

Мюльбах Л.

ТРАГЕДИЯ КОРОЛЕВЫ

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Луиза Мюльбах
Трагедия королевы

«Алгоритм»

1840-1860

УДК 82/89
ББК 84(4Г)

Мюльбах Л.

Трагедия королевы / Л. Мюльбах — «Алгоритм»,
1840-1860 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-02846-5

Луиза Мюльбах (псевдоним Клары Мундт, в девичестве Мюллер; 1814–1873) – немецкая романистка. Была замужем за известным писателем, критиком и литературоведом Теодором Мундтом. Поселившись в Берлине, она сблизилась с представителями «Молодой Германии» и приобрела известность радикальными воззрениями на женскую эмансипацию. Как писательница, Мюльбах была чрезвычайно плодовита (ею издано свыше 100 книг) и главным образом известна историческими романами, частью написанными по современным ей мемуарам. Последнее обстоятельство способствовало появлению в них весьма интересных эпизодов, что в свою очередь обеспечило ее произведениям успех среди широкой публики. В данном томе публикуется роман «Трагедия королевы», действие которого разворачивается во времена французской революции, а основной темой стала трагическая гибель на эшафоте Людовика XVI и его жены, очаровательной Марии-Антуанетты, своенравной и умной дочери Марии-Терезии и Франца I Австрийских.

УДК 82/89
ББК 84(4Г)

ISBN 978-5-486-02846-5

© Мюльбах Л., 1840-1860

© Алгоритм, 1840-1860

Содержание

I. Счастливая королева	7
II. Принцесса Аделаида	13
III. Трианон	19
IV. Ожерелье королевы	26
V. Друзья и враги	32
VI. Процесс	36
VII. Дурное предзнаменование	47
VIII. Перед венцом	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Луиза Мюльбах

Трагедия королевы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

I. Счастливая королева

Это было тринадцатого августа 1785 года. Королева Мария-Антуанетта уступила наконец мольбам своих горячо любимых подданных и, покинув на один день великолепный Версаль и свой милый Трианон, появилась в Париже, чтобы показаться народу, познакомить его с новорожденным сыном, которым она подарила короля и французский народ двадцать пятого марта, и в соборе Нотр-Дам получить от духовенства благословение, а от представителей Парижа – поздравления.

Прекрасная, очень любимая королева встретила восторженный прием. Она въехала в Париж в открытом экипаже, окруженная своими троими детьми, и все, кто узнавал ее, радостно приветствовали ее и торопились следовать за нею до самого собора, на пороге которого ее встретило высшее духовенство с кардиналом Луи де Роганом во главе, чтобы торжественно ввести ее в дом царя царей.

Мария-Антуанетта приехала совсем одна; ее сопровождали только гувернантка «детей Франции» герцогиня Полиньяк, да нормандка-кормилица, державшая на руках второго сына короля, Людовика-Карла, герцога Нормандского.

На заднем сиденье, рядом с королевой, сидели ее старшие дети: старшая дочь короля ее королевское высочество мадам¹ Тереза и дофин Людовик, предполагаемый наследник Людовика XVI.

– Поезжай в Париж, дорогая Антуанетта, – сказал своей супруге добродушный король, – доставь моим добрым гражданам эту радость! Покажи им наших детей и прими выражения их восторга за то счастье, которым ты подарила меня и их. Я не еду с тобою, чтобы не делить твоего триумфа. Поезжай и наслались этим часом счастья!

Когда королева вышла из собора, вся площадь представляла собою волнующееся море, бурно плескавшееся и гнавшее свои темные волны в прилежавшие к площади улицы, чтобы наполнить весь Париж своим радостным шумом и грозным всплеском. Весь Париж приветствовал в этот час не королеву, но прекрасную женщину, счастливую мать, которая, подобно матери Гракхов, не имела других спутников, других защитников, кроме своих сыновей, не имела другой придворной дамы, кроме своей дочери, на плечо которой положила руку, являясь во всем блеске королевского и материнского величия. И весь Париж, явившийся приветствовать королеву, женщину и мать, потрясал воздух дружными, радостными, восторженными криками:

– Да здравствует королева! Да здравствует Мария-Антуанетта! Да здравствуют красавица мать и прекрасные «дети Франции»!

Эти крики, эти радостные лица и горящие глаза в свою очередь воодушевляли королеву. К ее щекам также прилила кровь, ее глаза также засверкали. Она встала в экипаже и движением, полным невыразимой грации, взяв у кормилицы ребенка, подняла его высоко вверх, чтобы показать его парижанам. При этом маленькая шляпка, приколотая сбоку к ее напудренной прическе, съехала ей на затылок, а прекрасные руки, высоко державшие ребенка, обнажились до локтей, так как кружевные рукава спустились на плечи. Тогда восторг толпы обратился в настоящий фанатизм.

– Что за женщина, какова красавица! – слышались отдельные голоса. – Какие чудные руки, прелестный затылок!

Яркая краска залила лицо Марии-Антуанетты. Похвалы женщин пробудили в ней королеву; она поспешно передала дитя кормилице и, опустившись на подушки экипажа, поправила шляпку и кружевную мантилью, после чего приказала кормилице:

¹ Титул, отличавший старших теток, старших сестер и старших дочерей короля.

– Скажите кучеру, чтобы он ехал скорее!

Та поспешила дернуть за шнурок и передать приказание.

– Ну, Тереза, – с улыбкой обратилась королева к дочери, – разве не отраднo, что наш добрый народ так радостно приветствует нас?

Семилетняя принцесса, с недовольным видом покачав гордой головкой, воскликнула:

– Мама, эти люди кажутся такими грязными и гадкими... Я не люблю их...

– Молчи, дитя, молчи! – прошептала королева, страшась, как бы толпа, тесно обступавшая коляску, не услышала неосторожных слов ребенка.

Ее опасения были не напрасны: какой-то блузник с красным лицом и маленькими пронзительными черными глазками понял слова юной принцессы и, бросив на нее злобный и угрожающий взгляд, произнес:

– Мадам нас не жалует, потому что мы грязны и некрасивы; но и мы, вероятно, казались бы чистенькими и хорошенькими, если бы могли разрядиться и разъезжать в важных каретах. Но мы должны работать и мучиться, чтобы платить подати; а если бы мы не платили их, то нашему королю и его семье не приходилось бы гордиться блеском да богатством. Мы бедны потому, что работаем на него!

– Прошу вас, – кротко сказала ему королева, – простить мою дочь: она – еще дитя и не понимает, что говорит. Родители научат ее любить добрый, трудолюбивый народ и быть ему благодарным за его любовь, мосье.

– Я вовсе не мосье, – грубо возразил блузник, – я просто бедный мастер, сапожник Симон, и больше ничего!

– В таком случае, мессир Симон, я прошу вас принять от моей дочери изображение ее отца и выпить за наше здоровье, – сказала королева, кладя в руку дочери луидор, причем шепнула ей: – Дай ему!

Принцесса поторопилась исполнить приказание матери и положила блестящий золотой в протянутую к ней широкую, грязную руку. Толстые костлявые пальцы сапожника сжали ее ручку и не выпускали.

– Вот так маленькая ручка, – насмешливо сказал он, – а что стало бы из таких пальчиков, если бы им пришлось работать?

– Мама! – испуганно вскрикнула принцесса. – Вели этому человеку отпустить мою руку, мне больно!

Сапожник громко расхохотался и, выпустив руку, злобно сказал:

– Ага, принцессе больно уже от одного прикосновения рабочей руки! Вам лучше бы держаться подальше от нас и никогда не являться среди народа!

– Поезжайте же скорее! – громко и повелительно сказала кучеру королева.

Он ударил по лошадям, и народ, толпившийся у самого экипажа и затаив дыхание слушавший разговор королевы с сапожником, с боязливymi криками и визгом бросился в разные стороны от взвившихся на дыбы коней.

Экипаж поехал крупной рысью, и королева снова улыбалась и ласково кивала народу, который уже снова с энтузиазмом приветствовал ее, восторгался ее красотой и миловидностью ее детей.

А сапожник Симон все стоял на прежнем месте, насмешливо скалясь, и смотрел вслед королевскому экипажу.

Чья-то рука опустилась на его плечо, и язвительный, дрожащий голос спросил его:

– Вы любите эту австриячку, мессир Симон?

Сапожник быстро обернулся. Перед ним стоял какой-то странно искривленный и сгорбившийся человек с неестественно большой головой, плохо подходившей к узким плечам; весь его вид произвел такое впечатление на Симона, что он громко расхохотался.

– Вы находите меня безобразным, не так ли? – спросил незнакомец, стараясь также засмеяться, но вместо смеха получилась гримаса, растянувшая его неестественно огромный рот с толстыми бесцветными губами от уха до уха и показавшая два ряда отвратительных, длинных зеленоватых зубов. – Вы находите меня страшно безобразным? – повторил он, так как хохот сапожника стал еще громче.

– Я нахожу вас очень странным, – сказал Симон, – если бы я не слышал, что вы говорите по-французски, и не видел, что вы ходите на двух ногах, как все мы, то я подумал бы, что вы – та громадная жаба, о которой я недавно читал в сказке.

– Да я и есть та самая жаба из сказки, – со смехом подтвердил незнакомец, – я только на сегодня нарядился человеком, чтобы посмотреть на австриячку с ее отродьем. Позволю себе еще раз спросить вас: любите ли вы эту австриячку?

– Нет, убей меня бог, не люблю! – с жаром воскликнул сапожник.

– А почему бы Богу убивать вас за это? – быстро возразил незнакомец. – Что же, вы думаете, уж такое огромное несчастье, если не любишь австриячки?

– Нет, собственно говоря, я этого не думаю, – задумчиво возразил сапожник, – пред Богом-то это не грех, а вот перед людьми – грех, за который платят долгим и тяжелым заключением в тюрьме, а так как я люблю свободу, то и остерегаюсь рассказывать чужим людям, что именно я думаю.

– Вы любите свободу? – воскликнул незнакомец. – Дайте мне свою руку и позвольте поблагодарить вас за это прекрасное слово, брат мой!

– Ваш брат? – с изумлением повторил сапожник. – Я не знаю вас, а вы так себе, здорово живешь, называете себя моим братом?

– Вы сказали, что любите свободу, а потому я и приветствую в вас брата. Все, любящие свободу, – братья, так как признают эту добрую и милостивую мать, которая не делает разницы между своими детьми и любит их всех совершенно одинаково, хотя бы один назывался графом, а другой – ремесленником. Пред матерью-свободой все мы равны и все – братья.

– Это звучит красиво, – возразил сапожник, – только беда в том, что это – неправда. Если все – братья, то почему же король ездит в золоченой карете, а я в качестве сапожника, потея, тащусь на своих вороных – на собственных подошвах?

– Король – не сын свободы! – яростно воскликнул незнакомец. – Он – сын деспотизма, оттого и хочет унижить до полного рабства своих врагов, сынов свободы! Неужели мы всегда будем терпеть это? Неужели не захотим наконец подняться из праха и унижения?

– Ну, конечно, если бы мы могли, то очень захотели бы этого! – с грубым смехом воскликнул Симон. – Да вот все дело в том, что мы не можем! Король имеет власть держать нас в цепях, а прекрасная дама-свобода, о которой вы говорите, что она – наша мать, преспокойно позволяет, чтобы ее сынов держали в рабстве и унижении.

– Она только временно допускает это, – возразил незнакомец громким, визгливым голосом, – но она уже готовит день возмездия и смеется над теми, кого она хочет низвергнуть и которые сами безуданно работают над своею гибелью!

– Что за ерунду вы говорите! – засмеялся сапожник.

– Да, они сами роют себе яму, но не видят этого, потому что богиня, желая погубить их, сделала их слепыми. Разве ваши умные глаза не видят, как эта австриячка усердно работает над своим собственным саваном?

– Королева никогда не работает, – со смехом возразил Симон, – она заставляет работать свой народ.

– А я говорю вам, что она работает! Я уверен, что она соткала уже порядочный кусок своего савана; у нее есть милые друзья, которые помогают ей в этом, например, герцог де Куаньи. Вы знаете, кто такой герцог де Куаньи?

– Ей-богу, не знаю! Я при дворе не бываю и незнаком со всякой придворной дрянью!

– Вы правы, там все – дрянь! – с отвратительным смехом подхватил незнакомец. – И я хорошо знаю это; ведь я, к сожалению, не могу, как вы, сказать, что не бываю при дворе: я попал туда, но мое удаление оттуда наделает больше шума, чем мое появление. А герцог де Куаньи вот кто: он – один из троих главных возлюбленных австрийской султанши.

– Да, это презабавно! – сказал сапожник. – Какой вы потешный чудак! Так у королевы есть возлюбленные?

– Да ведь вы слыхали, что сказал герцог Безанваль, когда австриячка невестой выезжала в Париж: «Смотрите, мадам, эти сотни тысяч парижан – это все ваши обожатели!» Вот она и хочет, чтобы слова герцога оправдались. Подождите, и до вас дойдет очередь! И вы будете нежно прижимать к губам ручку прекрасной австриячки!

– Будьте уверены, – сердито сказал Симон, – что я так крепко сжал бы ее, что на ней навеки остался бы след! Ну а кто же двое ее других возлюбленных?

– Второй – прекрасный де Адемар, дурак, пустомеля и фат. Но он красив и умеет веселиться, а наша королева любит смеяться и вообще порядочная гуляка; про это всякий знает, особенно со времени ноктурналий на дворцовой террасе.

– Ноктурналии? Это что такое?

– Эх вы, невинное дитя! Так называются ночные прогулки, которые наша королева устраивала по ночам, при лунном свете, на дворцовой террасе в Версале. Да, да, превеселое было время! Железные решетки парка не запирались, и возлюбленный народ мог свободно гулять вместе с королевой при лунном сиянии и звуках музыки, скрытой в кустах. Спросите-ка красавца унтер-офицера уланского полка; он расскажет вам, как сам сидел там на скамейке между двумя прелестными женщинами в белых платьях и хохотал с ними так, что животики надорвал! Он расскажет вам, как Мария-Антуанетта умеет смеяться и какие знатные шуточки можно выкидывать с ее королевским величеством!

– Эх, хотелось бы мне познакомиться с ним, да чтобы он рассказал мне все это! – произнес Симон, сжимая кулаки. – Во всяком случае меня радует, когда я слышу что-нибудь дурное про австриячку, потому что я ненавижу ее так же, как и всю придворную дрянь. С чего они рядятся да чванятся, когда мы должны работать и мучиться с восхода до заката? Я думаю, что и сам я ничем не хуже короля, и моя жена была бы так же красива, как королева, если бы носила такие же красивые платья да разъезжала в золотых каретах! Почему они знатные, а мы нет?

– Я вам скажу почему: потому что мы позволяем им считать себя какими-то богами, перед которыми народ, или, как они говорят, чернь, должен стоять на коленях! Но... терпение! Терпение! Наступит час, когда народ принудит их самих стоять на коленях и молить о помиловании! Но милости они не добьются: они понесут наказание!

– Ух, хотел бы я, чтобы это время уже наступило и чтобы я видел, как их накажут! – сказал сапожник.

– Это, милый мой, зависит от вас самих. Вы можете приложить руку к тому, чтобы это время пришло скорее.

– Но что я могу сделать? Скажите! Я на все готов.

– Вы можете помочь точить нож, чтобы он потом хорошо резал, – с злою усмешкой сказал незнакомец. – Нечего смотреть на меня с таким удивлением, брат мой! В добром, старом Париже уже много таких точильщиков, и, если вы хотите примкнуть к нашему обществу, приходите сегодня вечером ко мне; я познакомлю вас с нашим кружком.

– Где же вы живете и как вас зовут? – спросил сапожник, сгорая от нетерпения.

– Я живу в конюшнях графа д'Артуа, а зовут меня Жан-Поль Марат.

– В конюшне! Честное слово, я не думал, что вы – рейткнехт или кучер! Удивительный, должно быть, вид, когда вы сидите на лошади!

– Вы думаете, что жабе это не к лицу? Вы правы, брат Симон! Но я с лошадьми не имею никакого дела: я лечу конюхов, добрый брат Симон, и могу уверить вас, что доктор я довольно

искусный и починил уже не одного конюха и жокея, так как заведующий конюшнями милого графа д'Артуа имеет привычку прибегать к бичу. Итак, вы можете прийти ко мне сегодня не только для того, чтобы я ввел вас в хорошее общество, но и в том случае, если вы больны. Я лечу братьев из народа даром, так как братья не должны брать друг с друга деньги. Прощайте, жду вас! Да, вот еще что: так как мегера, охраняющая мое жилище, не знает вас, то, наверное, скажет вам, что меня нет дома; поэтому вот вам наш лозунг: «Свобода, равенство, братство». Прощайте!

Марат отвратительно осклабился, кивнул сапожнику и быстро, несмотря на хромоту, направился через площадь к ратуше. Симон смотрел ему вслед, забавляясь этой комичной фигурой в высокой черной шляпе, как вдруг ему пришла в голову одна мысль, и он поспешно догнал ухотившего.

– Ну, что такое? – спросил Марат, опуская руку в карман. – Разве я что-нибудь забыл? Платок у меня в кармане, также и кусок хлеба, составляющий мой завтрак.

– Вы забыли назвать мне третьего возлюбленного австриячки, а я, должен вам признаться, собираюсь сегодня зайти в свой клуб и очень хотел бы рассказать там обо всем этом. Такая миленькая историйка про австриячку произведет в клубе сенсацию.

– О, это радует меня! – сказал Марат, улыбаясь во весь рот. – Очень мило, что у вас есть клуб, в котором с удовольствием слушают такие рассказы насчет королевы и двора, и для меня будет истинным удовольствием снабжать вас ими для вашего клуба. Ведь очень полезно знакомить милый, добрый народ с тем, что делается в Версале и в Сен-Клу.

– А что такое бывает в Сен-Клу? – спросил Симон. – Ведь это только старый, забытый замок короля?

– Будьте уверены, что теперь там опять будет очень оживленно! Наш обожаемый король подарил его своей супруге, чтобы она там устроила себе гарем больших размеров, так как Трианон для нее недостаточно велик. Да, да, прекрасный замок французских королей, величественный Сен-Клу, отдан теперь австриячке в полное и наследственное владение. И знаете, что она сделала? Она велела прибить у ворот доску, на которой написано, под какими условиями можно народу входить в парк Сен-Клу.

– Это не ново! – с нетерпением перебил Симон. – Такие объявления существуют во всех королевских садах: именем короля запрещается портить сады и сходить с дорожек.

– А в Сен-Клу написано: «Именем королевы»! Так и написано: «Именем королевы»! Значит, у нас не только один король сидит на шее со своими приказами и указами, но еще явилась новая властительница Франции, которая предписывает нам законы! «Именем королевы»! Ведь это выходит государство в государство! Трианона ей мало, теперь ее руки захватили уже Сен-Клу! Она уже делает новое покушение на народ, завоевывает новую арену для действий и так мало-помалу захватит в свои сети всю Францию!

– Это низко, постыдно! – воскликнул Симон, потрясая кулаками.

– И это, брат мой, еще далеко не все! До сих пор мы видели в королевских дворцах людей, унизившихся до рабской службы, одетых в обезьяньи костюмы – ливрею короля; но в Сен-Клу все служащие носят ливрею королевы, так что, войдя в парк, вы очутитесь уже не во Франции, а в австрийской провинции, где иноземка может устраивать себе гарем и выдумывать свои собственные законы, и так, что добродетельный и благородный народ не может даже возмущаться!

– Народ еще не знает об этом, брат, – с жаром возразил Симон, – ему еще неизвестны все выходки королевы!

– Так расскажите ему! Повторите в своем клубе все то, что я рассказал вам, и поставьте слушателям в обязанность распространять все услышанное среди своих друзей.

– О, так мы и сделаем! – весело заявил Симон. – Только вы все еще не назвали мне третьего возлюбленного королевы.

– Это де Безанваль, генерал-инспектор швейцарской гвардии, генерал-лейтенант армии, командор ордена Святого Людовика. Видите, стоит быть возлюбленным королевы: это помогает возвышаться. Пока жив был порочный король Людовик Пятнадцатый, Безанваль был только полковником швейцарской гвардии и лишь изредка принимал участие в оргиях, происходивших в Версале; теперь королева возвысила его. Теперь Сен-Клу и Трианон – арены пиршеств Марии-Антуанетты, и генерал Безанваль – первый у нее заправила. Ну, теперь вы знаете все, что хотели, не так ли?

– Да, благодарю вас, – ответил Симон. – Надеюсь, сегодня вечером вы мне еще что-нибудь расскажете: ваши истории крайне занимательны!

– Расскажу; ведь королева старается, чтобы для таких рассказов всегда находился новый материал. Но сейчас у меня, к сожалению, нет больше времени.

– Знаю, знаю, вас ждут больные! Прощайте! До вечера.

Симон быстро свернул в одну из ближних улиц. Марат смотрел ему вслед с злой и торжествующей улыбкой.

– Так, так! – пробормотал он. – Вот каким путем вербуются борцы за свободу. Из этого сапожника выйдет хороший солдат, а своими рассказами он еще завербует нам целую роту. Торжествуйте, гордые Бурбоны! Воображайте себя в безопасности в своих раззолоченных замках, окруженных швейцарской гвардией! Придет день, когда маленький, безобразный, презираемый Марат, которого теперь никто не знает и который, словно ядовитая крыса, ползает в вашей конюшне, выступит против вас и вы, испуганные, дрожащие, падете во прах. Не проходит дня, чтобы мы не вербовали новых борцов, новых воинов в нашу народную армию, а эта наивная, безалаберная Мария-Антуанетта облегчает нам нашу задачу. Из ее детских выходок, немножко вывернув их и перевернув, легко выкраиваются постыднейшие пороки и бессовестнейшие преступления. А насчет переворачивания я – мастер! Эй, красавица королева, у тебя для защиты твои швейцарцы, которым ты платишь, а у меня – только один солдат, которому мне притом не нужно платить, это – клевета! И этот солдат победит всю твою швейцарскую гвардию и всю твою армию. Ведь на земле нет такого войска, которое могло бы бороться с клеветой... Ура! Да здравствует моя союзница – клевета!

II. Принцесса Аделаида

На обратном пути в Версаль королева была очень молчалива, и все старания герцогини Полиньяк разогнать тучи, омрачившие чистый, ясный лоб Марии-Антуанетты, остались тщетными. Бряцание оружия швейцарской гвардии, приветствовавшей возвращение королевы, вывело ее из глубокой задумчивости; она устремила взор на ребенка, лежавшего на коленях кормилицы, потом схватила его на руки и, крепко прижав его к груди, тихо сказала:

– Ах, дитя мое, милое дитя мое! О, если бы тебе всю жизнь пришлось слышать только такие радостные приветствия, какими встретил сегодня Париж твой первый выезд, и никогда не слышать больше таких слов, какие говорил этот ужасный человек!

Королева забыла, что стоит в экипаже, что ее шталмейстер и лакеи ждут у открытой дверцы, а стража все еще стоит под ружьем. Герцогиня Полиньяк решила напомнить своей августейшей подруге, что надо выйти из коляски. Мария-Антуанетта очаровательно улыбнулась и, легко выпрыгнув из экипажа, быстро взбежала с ребенком на руках на лестницу. Придворные дамы, состоявшие при особах принцессы Терезы и дофина, увели своих воспитанников. Кормилица и две статс-дамы королевы спешили за нею, неодобрительно качая головой. Вместо того чтобы в последней передней отпустить своих дам, Мария-Антуанетта прошла прямо в свои покои и заперла за собой двери.

– Что же нам делать? – с недоумением спросили дамы дежурного камергера, но тот только пожал плечами.

– Придется ждать, – сказала маркиза де Мальи, – может быть, ее величество соблаговолит вспомнить о нас и дозволит нам удалиться!

– А если королева забудет про нас, нам придется простоять здесь весь день, пока ее величество будет разыгрывать в Трианоне свои пастушеские комедии, – возразила принцесса Шимэ.

– Разумеется, – подхватил граф де Кастино, – сегодня в Трианоне как раз праздник, и очень возможно, что мы простоям здесь весь день, подобно статуям жен Лота.

– Нет, вот где наше освобождение, – шепнула маркиза де Мальи, указывая на экипаж, показавшийся вдали, у решетки Версаля. – Вчера в интимном собрании у графа Прованского было решено, что принцесса Аделаида еще раз попытается образумить ее величество и внушить ей, что приличествует и что не приличествует королеве Франции.

В это время карета дочери Людовика XIV, тетки короля, въехала на дворцовый двор. Впереди скакали два пикера, на запятках стояли два лакея, а на каждой подножке паж в роскошном костюме. Карета остановилась перед подъездом, предназначенным только для членов королевской фамилии, и из нее вышла дама с бесформенной фигурой и угрюмым, изрытым оспой лицом, на котором не выражалось ничего, кроме холодного высокомерия и гордого равнодушия. Тяжело опираясь на плечо пажа, она начала медленно подниматься по лестнице. Предшествовавший ей скороход постучал длинным жезлом в двери первой приемной и громким голосом провозгласил:

– Мадам Аделаида!

Лакей повторил его доклад и отворил дверь второй приемной; там доклад был повторен собственными камер-лакеями королевы и так достиг наконец до комнаты, в которой находилась Мария-Антуанетта.

Королева слегка вздрогнула, и по ее ясному лицу пробежала тень неудовольствия. Она обняла и нежно поцеловала герцогиню Полиньяк и сказала:

– Уходите, дорогая моя, но будьте готовы ехать со мной в Трианон, как только мадам Аделаида, то есть мадам угрюмость, оставит меня. Королеве придется потерпеть полчаса, но

зато Мария-Антуанетта отправится потом со своей милой Жюли в Трианон и проведет там счастливо полдня с мужем и друзьями.

– Чтобы наградить этих друзей бездной блаженных воспоминаний, – добавила молодая герцогиня, грациозно наклоняясь для поцелуя над рукой королевы, а затем направилась на половину «детей Франции».

Двери распахнулись, и две статс-дамы, войдя, сделали положенные реверансы. Затем, приблизившись на один шаг, снова поклонились, склонили голову и в один голос доложили: «Мадам Аделаида!» – после чего встали по сторонам дверей. Принцесса переступила порог; за ее спиной виднелись две ее фрейлины, камергер, гофмейстер, пажи и два шталмейстера королевы; все они оставались в первой приемной.

Стоя посреди комнаты, Мария-Антуанетта чуть-чуть улыбалась этому изобилию почета, окружавшего появление принцессы королевского дома.

Мадам Аделаида сделала несколько шагов, но так как королева не двинулась ей навстречу, как она ожидала, то ее лицо омрачилось.

– Я, может быть, некстати? – спросила она с кисло-сладкой улыбкой. – Королева, вероятно, собирается в Трианон, куда, как я слышу, уже отправился король?

– Ваше высочество уже слышали об этом? – улыбаясь, спросила королева. – Я изумляюсь, какой еще тонкий слух у вашего высочества; не то что мои молодые уши, которые не слышали громкого шума, произведенного приездом вашего высочества. Я радостно приветствую неожиданное появление любящей и благосклонной тетюшки.

Каждое из слов, несмотря на сопровождавшую их очаровательную улыбку, кололо принцессу, словно иглой; упомянув о «все еще остром» слухе принцессы, королева задела разом и ее возраст, и ее необыкновенное любопытство, противопоставив им свою молодость и свое равнодушие к тому, что говорят.

– Угодно ли вашему величеству сделать мне честь побеседовать со мной? – спросила принцесса, не в силах бороться с племянницей язвительными, но любезными словами.

– Я очень рада, – весело ответила королева, – от вашего высочества вполне зависит сделать эту беседу интимной или публичной.

– Я прошу получасовой интимной беседы, – сказала мадам Аделаида.

Королева жестом отпустила своих дам, а затем, обратясь к дверям приемной, громко сказала:

– Господин шталмейстер, экипаж для поездки в Трианон должен быть готов через полчаса!

Королева и принцесса остались одни.

– Сядем, если вашему высочеству угодно, – сказала королева, указывая гостье на кресло и опускаясь на простой стул. – Вам угодно что-то сказать мне? Я готова слушать.

– Дай бог, мадам, чтобы вы не только выслушали мои слова, но и приняли их к сердцу! – со вздохом сказала принцесса.

– Если они заслуживают этого, я, конечно, приму их к сердцу, – с улыбкой воскликнула королева.

– Непременно заслуживают, так как касаются спокойствия, безопасности и чести нашего семейства! Но прежде всего позвольте мне исполнить поручение моей благородной и набожной сестры, мадам Луизы, которая прислала вам это письмо с просьбой прочесть его в моем присутствии. – И, вынув из ридикюля пакет, принцесса протянула его королеве.

– Прошу извинить меня, – сказала Мария-Антуанетта, – но несколько лет тому назад вы уже передавали мне письмо от мадам Луизы, уважаемой настоятельницы монастыря кармелиток; я приняла и прочла его, но тогда же дала себе слово не принимать больше от нее ни одного письма. Поэтому, будьте добры, возвратите письмо его автору.

– Знаете ли вы, мадам, что этим отказом вы наносите оскорбление принцессе крови? – строго спросила принцесса.

– Я знаю только то, что письмо, присланное мне тогда принцессой Луизой, было оскорблением, нанесенным королеве Франции, а я хочу избавить государыню от вторичного оскорбления. Притом содержание этого письма, вероятно, подобно первому: упреки, советы, оскорбления.

– Содержание и должно быть то же самое, так как причины, вызвавшие письмо, к сожалению, также те же самые!

– А, ваше высочество знакомы с его содержанием? Значит, ваши слова вознаградят меня за то, что я не прочла письма. Очевидно, уважаемая настоятельница оторвалась от молитв за упокой души усопшего родителя, чтобы немного заняться земными делами, прислушиваясь к клеветам мадам Аделаиды или графа Прованского, или кардинала де Роган, или вообще какого-нибудь врага королевы Франции?

– К клеветам? – гневно сверкнув глазами, повторила принцесса. – Дай бог, чтобы дело шло только о клеветах, а не о фактах, которые огорчают и беспокоят всех нас и заставляют дрожать за королеву Франции!

– О, – сказала Мария-Антуанетта со спокойной улыбкой, еще более раздражившей принцессу, – я и не знала, что вы, ваше высочество, так нежно заботитесь обо мне!

– И я не знала, мадам, что ваше легкомыслие доведет вас до оскорбления всех законов, обычаев, этикета! Вы делаете это с презрением тех, кто все может, с необузданной резвостью ребенка, играющего с огнем и не понимающего, что раздутое им пламя уничтожит прежде всего его самого. Мадам, я приехала к вам, чтобы в последний раз предостеречь вас!

– Слава богу, в последний раз! – воскликнула королева.

– Заклинаю вас, мадам! Ради вашего супруга, ради ваших детей изберите другой путь! Оставьте стезю зла, по которой вы стремитесь к гибели!

Веселое, ласковое выражение сбежало с лица королевы; она приняла серьезный, гордый, царственный вид и громко произнесла:

– Мадам, до сих пор я слушала ваши язвительные филиппики со спокойствием невинного и помнила, что мы обязаны относиться с уважением к старшим и что старости свойственно осуждать все, что делает молодость. Но вы вызываете ко мне именем всего, что дорого моему сердцу; поэтому говорите! Что такое приводит вас в такое отчаяние?

– Ваше безграничное легкомыслие, ваша непростительная близорукость, ваша расточительность, ваше вмешательство в политику, ваша...

Но тут Мария-Антуанетта прервала эту тираду звонким, веселым смехом.

Последний озлобил принцессу больше всякого словесного укола, и она с жаром продолжала:

– Да, вы легкомысленно воображаете, что жизнь королевы – сплошной ясный летний день, который надо провести в пении и веселье! Танцуя и веселясь, вы упадете в пропасть! Вы развлекаетесь удовольствиями вместо того, чтобы, как подобает королеве Франции, проводить время в уединении, серьезных размышлениях и делах благотворения! Вы – расточительница, так как раздариваете государственную казну своим любимцам, кавалерам и дамам своего кружка, которые поддерживают ваше легкомыслие, потому что извлекают из него выгоду! Одна семья Полиньяк поглощает двадцатую часть государственных доходов! Вы страстно любите наряжаться и даже не считаете унижительным для своего королевского достоинства проводить целые часы в совещаниях с портнихами! Вы позволяете причесывать свою голову мужчине, который потом этими же руками, которыми он прикасался к волосам королевы, причесывает парижских дам, делая им такие же прически, какие носит сама королева. И что это за прически?! И что за названия! «Утренний туалет королевы!», «Гнездышко любви Марии-Антуанетты!». Да, дошло до того, что моды носят имя королевы, и им придают непристойный смысл!

Все мужья, все почтенные матери в отчаянии, потому что их дочери и супруги только и занимаются вашими нарядами. Ваша страсть рядиться, ваше кокетство, ваши неслыханные празднества, к которым вы даже привлекли короля, старшего сына церкви и святейшего отца...

– О каких празднествах вы говорите? – прервала королева.

– О тех, которые на соблазн всех людей дают в Трианоне, где королева превращается в пастушку и позволяет своим фрейлинам одеваться так же, как и она, и обращаться с ней как с равной, а король, очарованный прелестями своей супруги и развращенный ее кокетством, забывает свое королевское достоинство. И эта королева, вечно хохочущая, подражающая бляению коз и коров в своих неприличных играх, еще решается разыгрывать государственного человека, замещает государственные должности своими любимцами, а король – только послушное орудие ее воли!

– Мадам! – воскликнула королева, поднимаясь со стула с пылающими гневом глазами. – Это уже слишком, вы переходите границы, которые обязательны даже для принцессы крови. Я позволила вам критиковать мою внешнюю жизнь, но не позволяю касаться моих отношений к королю и моей личной чести. Предлагаю вам назвать моих, как вы говорите, любимцев, и если между ними найдется хоть один, который может похвалиться чем-либо большим, нежели просто милостивое отношение королевы к своему подданному, то попрошу вас назвать этого человека королю и просить расследовать дело. Да, благодарение Богу! У меня есть друзья, которые уважают меня и готовы положить за меня жизнь, но никто и никогда не посмеет утверждать, что у Марии-Антуанетты когда-нибудь был любовник! Мой единственный возлюбленный – король, мой супруг, и, с Божьей помощью, единственным он и останется. Я имела счастье внушить любовь своему супругу, и вот это-то мне и не могут простить благородные принцессы, мои тетки, граф Прованский и весь двор. Да, король простил своей жене, что она – австриячка, что ее навязала ему политика его предшественника, и полюбил ее, а я приняла его любовь. Король любит меня, вот почему я ему ближе, чем его тетки, вот почему я – его советчица и первое доверенное лицо. И этого мне никогда не простят. Да, прошло время, когда король благосклонно слушал жалобы мадам Аделаиды на то, что я нарушаю правила этикета; когда мадам Луиза надеялась раздавить меня своими добродетелями, а графу де Ламарш было дозволено обвинять королеву за то, что она со своими статс-дамами ходила в парк смотреть восход солнца. Теперь король уже не слушает советов мадам Аделаиды. Я знаю, что граф Прованский сочиняет эпиграммы и памфлеты на свою невестку, на свою королеву, и распространяет их по всему Парижу. Знаю, что в его салонах собираются все враги Марии-Антуанетты и что там точат на меня оружие. Но берегитесь, как бы это оружие не обратилось против вас самих! Это вы вредите государству, вы колеблете королевский трон! Ведь вы показываете французскому народу, что для вас более нет ничего святого, что можно кидать грязью в королевский трон! Вы сами хороните монархию, забывая то, что, преследуя австриячку, вы преследуете королеву и что вы – ее подданные! Поэтому вы – преступники, вы – изменники!

– Мадам! – воскликнула принцесса. – Мадам, каким языком вы говорите!..

– Языком женщины, защищающейся против клеветницы! – ответила королева. – Языком, каким королева должна говорить со своей подданной! Нет, будьте любезны, не отвечайте мне! Больше нам не о чем говорить. Прощайте, карета уже ждет меня. Обещаю вам не рассказывать королю об этом новом оскорблении; обещаю вам забыть его и простить.

Мария-Антуанетта слегка наклонила голову и с гордым спокойствием вышла из комнаты.

Принцесса Аделаида смотрела ей вслед с выражением глубокой ненависти и даже до того забылась, что погрозила рукой в сторону той портьеры, за которой скрылась благородная фигура королевы.

– Я-то уж не забуду и не прощу, – пробормотала она, – я отомщу этой дерзкой женщине, которая смеет грозить мне, противодействовать мне и называть себя моей государыней, пове-

лительницей! Австриячка – повелительница французской принцессы крови? Мы ей покажем, где границы ее власти и границы Франции!

Королева покинула принцессу с гордо поднятой головой, но, очутившись в другой комнате, со стоном опустилась на стул, и слезы ручьем полились из ее глаз.

– Ах, Кампан, Кампан, что только пришлось мне выслушать! – горестно воскликнула она. – В каких выражениях смеют эти люди обращаться к королеве Франции!

Мадам Кампан, первая камер-фрау Марии-Антуанетты, поспешно подошла к ней и, опустившись пред нею на колени, прижала ее безжизненно повисшую руку к своим губам, после чего прошептала своим кротким голосом:

– Ваше величество, вы плачете? Разве вы хотите дать принцессе случай узнать, что ей удалось заставить королеву Франции плакать и портить слезами свои прекрасные глаза?

– Нет, этого удовольствия я ей не доставлю, – быстро справившись, сказала королева, – она хотела оскорбить меня, но я вернула ей ее оскорбление.

– Ваше величество изволили оскорбить принцессу? – испуганно повторила мадам Кампан.

– Да, – с торжествующим выражением подтвердила Мария-Антуанетта, – я оскорбила ее, чтобы напомнить ей, что я – королева Франции, а она – моя подданная. Я сказала ей, что, клеветая на королеву, она становится государственной изменницей.

– О боже! Боже! – воскликнула мадам Кампан. – Этого она никогда не забудет вам! С этих пор она будет непримиримым врагом вашего величества и ничем не пренебрежет, чтобы вам отомстить!

– Пусть мстит! – сказала королева, лицо которой уже начало проясняться. – Я не боюсь ни ее, ни ее сообщников; любовь моего мужа и моя ненависть защитят меня. Да и что она может сделать мне? Только клеветать на меня! Никто не поверит ее лжи.

– Ваше величество не знаете, как зол свет, – с печальным вздохом возразила мадам Кампан, – ваше величество полагаете, что добрые люди не могут быть трусами, а низкие – отважными, и не подозреваете, что дурным людям очень легко дурно настроить общественное мнение, тогда как людям честным часто не хватает мужества бороться с этим. Общественное мнение – это чудовище, которое и судит и наказывает: оно сильнее целой армии, неумолимее смерти.

– Я не боюсь его, – гордо сказала Мария-Антуанетта, – оно так же опустит предо мною голову, как лев пред непорочной девственницей. На мне нет никакой вины; я была верна королю даже тогда, когда он еще не любил меня; как же я могла бы изменить его любви теперь, когда он – отец моих детей?.. Ну, довольно об этом! Пойдемте, Кампан, королева должна поскорее перерядиться в счастливую женщину!

Камер-фрау, вздыхая и качая головой, последовала за королевой в уборную.

– Долой эти королевские уборы! – сказала Мария-Антуанетта, поспешно снимая пышную робу. – Дайте мне белое платье и газовый платок!

– Ваше величество, вы опять желаете появиться в простом ситцевом костюме? – со вздохом спросила мадам Кампан.

– Разумеется, ведь я отправляюсь в свой милый деревенский Трианон! Знаете, Кампан, король обещал мне целую неделю проводить со мной всякий вечер в Трианоне среди природы и уединения; значит, король целую неделю будет королем только до полудня, а после полудня будет превращаться в мельника в деревне Трианон! Видите, мне необходимо надеть простое бумажное белое платье, хотя мадам Аделаида и упрекает меня за мои костюмы и даже поддержала жалобы лионских фабрикантов шелка, уверяя, что я ношу и ввожу в моду белые бумажные материи и только для того, чтобы поддержать австрийскую торговлю и сделать удовольствие своему брату, императору Иосифу. Ну, скорей, Кампан, мое белое платье!

– Прошу прощения, ваше величество, но я должна позвать обеих камер-юнгфер при гардеробе.

– Боже мой, Кампан! Неужели я всегда должна носить эти цепи? Разве вы не можете сами одеть на меня платье?

– Гардеробные дамы не простили бы мне этого, ваше величество; уж разрешите позвать их!

– Ну, делайте, как хотите! Я за все вознагражу себя в Трианоне! – со вздохом сказала королева.

Через четверть часа она вышла из своих покоев совершенно преображенная: белое платье с воланом не скрывало ее стройных форм; вместо неуклюжего, длинного корсажа со шнипом на ней был легкий сборчатый лиф, опоясанный голубым шарфом, концы которого грациозно свешивались с левого бока. Широкие рукава, обшитые узкими кружевами, и газовая косынка, накинутая на плечи, не скрывали красоты ее изящных белых рук и шеи. Огромная прическа уступила место локонам, падавшим на красивый, твердый затылок и благородные плечи. Королева несла на руке, на широкой голубой ленте, большую круглую соломенную шляпу. Вместо перчаток на ней были черные ажурные митенки. С раздумывавшимся лицом, горящими глазами и очаровательной улыбкой на губах, олицетворяя собою веселость, невинность и легкомыслие, Мария-Антуанетта вышла в гостиную, где ее уже ждала герцогиня Полиньяк, бывшая в совершенно таком же костюме.

– Идемте, Жюли! – воскликнула королева, взяв герцогиню под руку. – Покинем этот мир и отправимся в рай!

– Ах, я боюсь рая! – со смехом ответила молодая женщина, – Я боюсь змея, но больше за свою обожаемую королеву, чем за себя!

– Боже мой, Жюли! – вздохнула королева. – Зачем вы все зовете меня этим титулом, когда мы одни? Нас никто не слышит, забудьте же хоть немножко этикет.

– Ваше величество, – смеясь, возразила герцогиня. – Ведь мы в Версале, а стены здесь имеют уши.

– Правда! – воскликнула королева. – Это извиняет тебя. Пойдем же скорее, Жюли, пойдем туда, где нас будут слышать природа да Господь Бог!

Они вышли из дворца по маленькой боковой лестнице. Королева легко впорхнула в ожидавший их экипаж и радушно протянула подруге руку, чтобы помочь ей.

– Скорее! – крикнула она кучеру. – Мчитесь, словно у лошадей есть крылья! Я хотела бы лететь!

III. Трианон

Горячие кони действительно летели, как птицы. Когда экипаж остановился у решетки Трианона, королева выпрыгнула из него легче газели, как молоденькая девушка, у которой еще нет ни забот, ни печалей, и прежде чем лакей успел распахнуть перед нею обе половинки ворот, она быстро скользнула в калитку.

– Вебер, – сказала она почтительно склонившемуся пред ней камердинеру, говоря тем мягким немецким языком, которым известно австрийское произношение, – вам не для чего провожать нас. Воспользуйтесь свободой, как мы пользуемся ею. Если встретите его величество, скажите, что я пошла к мельнице и, если его величеству угодно, буду ожидать его там. Пойдем, Жюли, теперь я, слава богу, не королева, а такая же простая смертная, как и все. Посмотри, дорогая, как все здесь ясно и свободно от земного праха! Здесь даже небо другого цвета: оно синее и ясно, как глаз Божий.

– Вы, ваше величество, на все смотрите особенными глазами, – смеясь, сказала герцогиня Полиньяк.

– Опять «ваше величество»? Так ты меня вовсе не любишь? Зачем ты зовешь меня этим холодным именем?

Герцогиня нежно поцеловала Марию-Антуанетту.

– Прошу помиловать меня и обещаю ни единым словом не нарушать мечтаний моей дорогой подруги в этом ее раю. Вы простили меня, Мария?

– От всей души, Жюли! А теперь смотри, наш домик уже виднеется вдали. Побежим туда! Кто скорее? Если ты прибежишь первая, я дам тебе то место в моей швейцарской гвардии, которого ты просила для какого-то офицера. Ну, начинай! Раз!..

– Нет, Мария, – возразила герцогиня, – так нельзя: если вы прибежите первая, то что же я дам вам?

– Поцелуй, сердечный поцелуй, Жюли! Ну, вперед! Раз, два, три!

Королева помчалась по аллее. Шляпа свалилась ей на затылок, голубые ленты развевались по ветру, и если бы принцесса Аделаида или гофмейстерина ее величества видели ее в эту минуту, они пришли бы в ужас. Сама же королева вовсе не думала о неловкости своей выходки.

– Скорее, скорее! – кричала она и скоро оставила далеко за собой свою подругу. Когда дворец был уже совсем близко, она остановилась и, вернувшись к герцогине, сказала: – Не старайся, Жюли, я, во всяком случае, выиграла.

– Да я и не хотела выиграть, – ответила герцогиня, – чтобы не показаться корыстной. Вы поступили несправедливо, Мария-Антуанетта: вы так хотите, чтобы никто в Трианоне не помнил, что вы – королева Франции, но сами не забываете этого, потому что назначили со своей стороны огромный приз, а с моей – ничтожный. Вы сами заставили меня проиграть, Мария! Ведь вы знаете, что я не корыстна.

– Знаю и потому я так люблю тебя, Жюли. Прости меня, дорогая, я была не права! Теперь заплати же мне свой проигрыш – поцелуй.

– Только не здесь, Мария! Все двери и окна открыты, и все общество уже собралось. Мне будут слишком завидовать!

– Пусть завидуют! Пусть все знают, что Жюли де Полиньяк – моя лучшая, любимейшая подруга, что после мужа и детей я люблю ее больше всех на свете. – И, обвив руками шею герцогини, королева нежно поцеловала ее.

– Видели? – спросил герцог де Безанваль Адемара, с которым играл в триктрак в салоне. – Королева изображает картину нежной дружбы.

– Я желал бы видеть эту группу высеченной из мрамора, – улыбаясь, ответил Адемар, – это дополнение к Оресту и Пилладу.

– Но которая же из двух служит дополнением к Пилладу, преследуемому фуриями и змеями? – спросила из-за своих пялец мадам де Марсан.

– Конечно, королева, – воскликнул граф де Водрейль, сидевший за клавесином и разбиравший новое музыкальное произведение. – Королева – это Орест в юбке; фурии – это три тетушки-принцессы, а змеи – простите меня, мадам! – змеи – это все парижские дамы, кроме вас, здесь присутствующих.

– Вы злы, граф, – сказала мадам де Марсан, – если бы нас здесь не было, то вы и нас причислили бы к змеям?

– Если бы я причислил вас к змеям, то для того, чтобы меня изгнали из рая вместе с вами, – смеясь, ответил граф. – Но тише! Идет королева!

Мария-Антуанетта вошла с раздумывавшимся от бега лицом, со спутанными волосами, со сбившейся набок шляпой! Нет, это была не королева, а только Мария-Антуанетта, веселая молодая женщина, которая ввела здесь у себя обычай, чтобы никто не вставал при ее появлении и не прекращал своих занятий: игр, вышивания или других работ. Только граф де Водрейль поднялся со своего стула, потому что королева обратилась к нему.

– Что вы играли, граф? – спросила Мария-Антуанетта.

– Прошу снисхождения, – с легким поклоном ответил граф, – тонкий слух вашего величества, конечно, уже угадал композитора; это совсем новое произведение, и я позволил себе переложить его в четыре руки, так что, если ваше величество пожелали бы...

– Давайте! – перебила Мария-Антуанетта. – Попробуем сейчас же! – Она нетерпеливо сдернула с нежных, белых рук черные митенки и села рядом с графом на приготовленный уже стул, но тотчас же боязливо спросила: – Только не слишком ли это трудно для меня?

– Для королевы Франции нет ничего трудного!

– Но для дилетантки Марии-Антуанетты очень многое трудно, – вздохнув, возразила королева. – Однако попробуем!

Она легко и искусно заиграла басовую партию; но, чем дальше продолжалась музыка, тем серьезнее становилось ее лицо; в глазах светилось одушевление, щеки побледнели. Вдруг посреди страстной мелодии она замолкла и, взволнованная, поднялась с места.

– Только Глюк мог написать это! – воскликнула она. – Это божественная музыка моего великого учителя.

– Ваше величество – положительно великая музыкантша! – с удивлением сказал де Водрейль. – Вы идеальная ученица великого маэстро. Да, это написал Глюк, это увертюра к его новой опере «Альцеста». Он прислал ее из Вены, чтобы я представил ее на усмотрение вашего величества и чтобы чудные звуки снискали автору покровительство королевы.

– Звуки говорили не с королевой, они говорили ее сердцу, – тихим, растроганным голосом возразила Мария-Антуанетта. – Это для меня привет с моей родины, как и привет от моего учителя, величайшего композитора Европы. Но Глюк не нуждается ни в чьем покровительстве. Благодарю вас, граф, вы доставили мне большую радость. Но с той минуты, как я узнала, что это произведение создано гением Глюка, я уже больше не решаюсь играть его без подготовки, потому что испортить его произведение, хотя бы только одной неверной нотой, считаю оскорблением величества. Теперь же, дорогие гости, пойдемте на ферму, где, надеюсь, мы встретим короля. Господа, приглашайте дам!.. Мы отправимся на ферму кто с кем хочет и разными путями.

Все мужчины бросились к королеве, желая получить честь сопровождать ее; она поблагодарила их и подала руку старшему из них, герцог де Безанваль.

– Мы пойдем через английский парк, – сказала королева, когда они вышли в сад, – я велела проложить через него новую дорожку, которая приведет нас прямо на ферму... Но кто идет там? – и она указала рукой на высокую, стройную мужскую фигуру, появившуюся на террасе.

– Это герцог де Фронсак, ваше величество!

– Ах, боже мой! Он, наверное, опять пришел жаловаться, и опять начнется неприятное разбирательство!

– Угодно вашему величеству, чтобы я отослал его, сказав, что здесь ваше величество не даете аудиенции?

– Ах нет! – вздохнула королева. – Он принадлежит к числу моих врагов, а со своими милыми врагами мы должны обращаться в сто раз любезнее, чем с друзьями.

Фронсак подошел с почтительным поклоном и произнес:

– Я пришел просить у вашего величества аудиенции.

– Вы уже получили ее, и притом очень торжественную: мы находимся в тронном зале самого Господа Бога, а балдахином служит небесный свод. Итак, герцог, что привело вас ко мне?

– Государыня, я пришел жаловаться!

– На меня, конечно? – с гордой улыбкой сказала королева.

– Я пришел жаловаться и отстаивать свои права, – продолжал герцог. – Его величество король милостиво назначил меня генерал-интендантом всех королевских театров и поручил мне надзор за ними.

– Меня это нисколько не касается, – прервала королева, – это ваше дело.

– Но, ваше величество, есть один театр, который ускользает из моего ведения, и я вынужден настоятельно просить, чтобы этот королевский театр был также вверен мне и находился под моей ответственностью.

– Не понимаю, о каком новом театре вы говорите? – холодно сказала королева.

– Я говорю о Трианоне, о новом театре вашего величества! В нем есть постоянная сцена, как во всех театрах, в нем дают комедии и водевили; как главный смотритель за всеми королевскими театрами, я обязан смотреть и за этим театром.

– Вы забываете одно, герцог, что Трианон мой и этот театр мой. Здесь я – хозяйка: его величество подарил мне этот клочок земли, чтобы здесь королева Франции могла пользоваться полной свободой. В Трианоне властвую я одна.

– Ваше величество, – упрямо возразил герцог, – мы все обязаны повиноваться королю, даже там, где королева не делает этого; поэтому и в Трианоне я остаюсь всеподданнейшим слугой его величества и исполнителем его законов.

– Вы можете никогда не появляться в Трианоне! – с гневом воскликнула Мария-Антуанетта. – Таким образом, ваша чересчур чувствительная совесть не будет мучить вас. Даю вам позволение никогда больше не посещать Трианона!

– Но так как здесь ставят пьесы...

– Герцог, здесь ставлю их я, королева, и играю вместе с принцами королевского дома, и там, где мы играем, вам не приходится простираť свой надзор. Я здесь – хозяйка, и мои развлечения и удовольствия не подлежат ничьему надзору.

– Ваше величество, – холодно возразил герцог, – есть некто, кто наблюдает за вашими развлечениями и кто будет на моей стороне: это общественное мнение.

Он поклонился и, не дожидаясь, чтобы королева отпустила его, направился обратно к террасе замка.

– Наглец, – прошептала королева, глядя ему вслед с бледным лицом и горящими глазами.

– Он честолюбец, – сказал Безанваль, – он рискует своим положением и даже жизнью, чтобы только попасть в кружок вашего величества.

– Нет! – с жаром возразила королева. – До меня лично ему нет никакого дела! Это тетки его величества настроили его против меня, чтобы вредить и оскорблять меня. Но оставим это! Оглянитесь, герцог! Разве здесь не хорошо, разве я не могу немножечко гордиться этим своим созданием? Это – мой любимый английский сад.

Сад был действительно созданием самой королевы и представлял удивительный контраст со строгими подстриженными изгородями, прямыми аллеями, симметрично расположенными цветочными клумбами и тщательно обнесенными каменными стенками, прудами и ручейками, какие встречались в Версале и в прочей части Трианона. В английском саду не было ничего искусственного: здесь царила природа.

Лицо королевы снова прояснилось, ее глаза засияли обычным огнем.

– Ведь здесь хорошо, не правда ли? – повторила она.

– Хорошо везде, где находится ваше величество, – сказал барон почти нежным тоном.

Королева не обратила на это внимания. Могла ли она заподозрить этого сорокапятилетнего человека с седеющими волосами, которого ради этого и выбрала своим кавалером?

– Ах, – сказала она с очаровательной улыбкой, прислушиваясь к пению птички, – мне кажется, что сама природа приветствует меня, а мне часто чрезвычайно необходимо слышать ласковые, приветственные голоса. Сегодня я пережила уже так много горького, барон, что песенка этой птички явилась как бы бальзамом для моего сердца.

– Ваше величество были в Париже? – нерешительно спросил Безанваль, бросив на огорченное лицо королевы испытующий взгляд своих умных черных глаз.

– Да, – снова просветлев, сказала Мария-Антуанетта, – и добрые парижане приветствовали супругу своего короля и мать «детей Франции» с огромным энтузиазмом.

– Нет, ваше величество, – вспыхнув, возразил герцог, – они приветствовали с диким энтузиазмом прекраснейшую женщину, обожаемую королеву, мать всех страждущих.

– Но и в эту радостную мелодию замешался диссонанс, – задумчиво сказала королева. – Поверьте, Безанваль, не все идет так, как следует; есть что-то такое в воздухе, что наполняет мое сердце тревогой и страхом. Я чувствую, словно над моей головой занесен дамоклов меч и мои руки слишком слабы, чтобы удержать его.

– Горе государственным изменникам, горе преступникам, осмеливающимся поднять меч на королеву! – с жаром воскликнул Безанваль.

– Горе им, но горе и мне, – с кроткой печалью сказала Мария-Антуанетта. – Сегодня у меня было бурное объяснение с принцессой Аделаидой; она явилась герольдом, возвещающим мне начало боевого турнира.

– Она опять осмелилась делать упреки вашему величеству? Но откуда берут эти люди свои отравленные стрелы, чтобы уязвлять благороднейшее и прекраснейшее в мире сердце?

– Они берут их из своей зависти, из ненависти к австрийскому дому, из ревности к королю. Они делают из мухи слона, из крошечного камешка – скалу. Ах, друг мой, сегодня я так много выстрадала! – со слезами добавила королева. – Конечно, я не могу жаловаться королю, потому что не хочу быть причиной его разлада с семьей; но вы – друг мне, и я верю в вашу искреннюю дружбу и в благородство ваших мыслей. Итак, скажите мне вы, так хорошо знающий свет, такой опытный, – разве я поступаю дурно, живя так, как я живу? Разве тетки короля правы, вменяя мне в преступление то, что я также хочу иметь радости в жизни, разве прав граф Прованский, считая преступлением то, что я даю советы королю? Разве я осуждена стоять пред лицом народа и всего двора, как какая-то ненужная статуя? Неужели королева не имеет права чувствовать, любить, ненавидеть, как всякое живое существо? Отвечайте, Безанваль! Говорите, как подобает честному, прямодушному человеку, и помните, что Бог слышит вас!

– Пусть Он слышит меня! – торжественно произнес барон. – Для меня нет ничего важнее, как чтобы ваше величество слышали меня. Нет, принцессы не правы: они смотрят на все глазами василиска, они завидуют и видят все в неправильном освещении. При дворе своего родителя они видели порок, облеченный в покровы добродетели, бесстыдство, наряженное в одежду невинности; поэтому они не верят в добродетель. Граф Прованский также не прав, ставя в упрек вашему величеству любовь короля, обожающего свою супругу, подобно простому

смертному, и слушающему ее советы. Ваши политические мнения расходятся с его мнениями, да и расположение короля к его супруге отодвинуло его родственников на задний план. Между тем они – французские принцы, а ваше величество – австриячка и друг герцога Шуазеля, – вот и все ваши преступления. Ваше величество, вы не выиграли бы в глазах врагов даже и тогда, если бы жили так, как требуют столетия запыленные книги придворного этикета; поэтому было бы безумием уступить и осудить себя на одиночество и скуку. Вашему величеству ставят в вину уничтожение парадных собраний, видя в этом причину падения народного почитания королевской власти! Но ведь смешно думать, что почитание народа зависит от числа скучнейших часов, проведенных королевской семьей среди скучных, замороженных этикетом придворных! Нет, государыня, не слушайте шипения змей и мужественно продолжайте свой путь: это путь невинности, простодушия и любви.

– О, благодарю вас, благодарю вас! – воскликнула Мария-Антуанетта. – Вы избавили меня от жестоких сомнений и успокоили меня. Благодарю вас! – И она с сияющими глазами и нежной улыбкой протянула Безанвалю обе руки.

Он крепко сжал их в своих и, бросившись на колени, прильнул губами к этим нежным, белым рукам, после чего страстно воскликнул:

– О моя королева, моя владычица! Вы видите у своих ног вашего преданнейшего раба! Приношу вам клятву в вечной преданности и любви! Вы осчастливили меня своим доверием, вы назвали меня вашим другом... Но моя душа, мое сердце пламенно жаждут другого имени... Скажите это слово, Мария-Антуанетта...

Королева отшатнулась, побледнев как смерть. На ее лице выразился ужас, затем его сменило презрение.

– Герцог, – сказала она с чисто королевским величием, – я только что говорила вам, что нас слышит Господь. Он слышал ваши преступные слова, пусть Он и наказывает вас. Встаньте! Король не должен узнать о поступке, который навсегда лишил бы вас его милостей. Если же вы хоть одним взглядом, одним словом намекнете на то, что произошло, король все узнает... Идите вперед, я приду одна.

Опытный светский человек, искусный царедворец почувствовал себя смущенным, пристыженным. Этого еще никогда не бывало с ним: он не находил слов. Молча поднявшись с колен, он неловко поклонился и пошел по дорожке, указанной ему королевой.

– Я потеряла еще одну иллюзию, – с горькой улыбкой сказала Мария-Антуанетта, – и опять я одна! Неужели для меня нет подруги, которая не обратилась бы в завистницу, нет друга, который не обратился бы в обожателя? Даже этот человек, которого я уважала, на которого смотрела, как ученица на учителя, – даже он осмелился оскорбить меня!

Она со стоном закрыла лицо руками, и горькие слезы полились из ее глаз.

Кругом было тихо; только раздавалось в густой листве пение птички, искавшей в тени пролады от жгучего августовского солнца, да тихонько шептались деревья, тронутые легким ветерком, да цветы склоняли друг к другу головки, точно хотели рассказать про слезы и скорбь королевы; но эти слезы падали на цветы, не освежая их: ведь это была не небесная роса, а слезы земной скорби.

– Довольно слез! – сказала наконец королева. – Что скажут мои гости, если заметят, что веселая и беззаботная королева проливает слезы? О господи, в один сегодняшний день я заплатила страшные проценты за свое счастье. Сохрани мне главное, чем живет мое сердце! Тогда я мужественно буду платить за него свету!

Она гордо подняла голову и направилась к ферме, своей маленькой Аркадии, своему раю. Она сама, при помощи архитектора Робера, создала этот идиллический уголок, возникший среди пышного блеска двора, подобно скромной фиалке, попавшей среди роскошных, ярких тропических цветов в раззолоченную вазу на королевском столе.

Ферма состояла из нескольких деревенских домиков, теснившихся один к другому; позади них мирно журчал ручеек, приводя в движение колесо маленькой мельницы, стоявшей на самом краю небольшой поляны. Рядом с нею виднелся домик, крытый соломой, обвитый диким виноградом и обсаженный цветами. Это был домик фермерши, Марии-Антуанетты. Королева сама делала для него планы и рисунки. Она пожелала, чтобы это был маленький, простой, скромный домик, чтобы он не казался новым, и позаботилась придать ему вид жилища, уже пострадавшего от времени. Рядом с этим домиком помещалась молочная; когда Мария-Антуанетта и другие «крестьянки» доили на лужайке коров, то приносили молоко в белых ведрах с серебряными дужками через всю «деревню» в молочную, где на белых мраморных столиках разливали его в красивые белые чашки.

На другой стороне улицы возвышался красивый дом старшины; рядом с ним находилось жилище школьного учителя.

– А все-таки хорошо жить на свете, – сказала королева, окинув радостным взглядом свое создание, и быстро пошла вперед, поглядывая на окна домиков, не видно ли кого из «крестьян» и «крестьянок», ожидающих свою «фермершу».

В это время мельничное колесо пришло в движение, а на пороге мельницы показалась упитанная фигура мельника в белом костюме и с обсыпанным мукой лицом. Королева радостно вскрикнула и побежала к мельнице.

Но не успела она добежать до цели, как из своего дома вышел деревенский мэр в черном одеянии, с большим белым галстуком на шее, с испанской тростью с золотым набалдашником в руке и в черной треугольной шляпе. Он раскинул руки и с угрожающим видом преградил ей дорогу.

– Госпожа фермерша, – сказал он, – мы все очень недовольны вами! Вы пренебрегаете своими обязанностями, и мы привлечем вас к ответственности за то, что вы являетесь так поздно. Все цветы уже повесили головки, соловьи перестали петь, а овцы не хотят есть даже самую лучшую траву. Все хозяйство гибнет, когда вас нет!

– Это неправда! – прозвучал веселый голос, и из распахнувшегося окна школьного дома выглянул веселый, юный учитель и погрозил розгой строгому и важному мэру.

– Как он может утверждать, что все хозяйство гибнет, когда я здесь? – сказал он. – С тех пор как умнейшие люди отказались у меня учиться, я сделался учителем домашних животных и занимаюсь этим делом так, чтобы оно доставляло мне удовольствие. Я преподаю танцы козлам и учредил балетную школу для козлят.

Мария-Антуанетта громко расхохоталась.

– Господин школьный учитель, – сказала она, – я страстно желаю увидеть доказательство вашего умения; поэтому приглашаю вас дать нам сегодня представление с вашей балетной школой на большом лугу. А вас, господин мэр, я прошу не быть таким строгим к фермерше и иметь снисхождение.

– Разве моя дорогая невестка нуждается хоть когда-нибудь в снисхождении? – с пафосом воскликнул мэр.

– О граф! – со смехом возразила королева. – Вы вышли из своей роли и забыли два обстоятельства: первое – что здесь я – не королева, и второе – что всякая лесь в Трианоне строго запрещена.

– Вы сами виноваты, если правда звучит лестью, – с легким поклоном возразил граф Прованский.

– Вот ответ, достойный ученого! – воскликнул «школьный учитель», граф д'Артуа. – Брат, ты не знаешь даже азбуки в науке любезностей. Ты непременно должен поступить ко мне в учение.

– О, я уверен, брат Шарль, что мог бы многому научиться у тебя, – засмеялся граф Прованский, – только не знаю, осталась ли бы довольна этими уроками моя супруга!

– А вот мы спросим ее, – сказала королева. – До свидания, дорогие братья, я тороплюсь поздороваться со своим милым мельником.

Она быстро взбежала на деревянную лесенку, ведущую на мельницу, и обвила руками шею мельника, а он, крепко прижав ее к своему сердцу, увлек ее внутрь.

– Благодарю тебя, Людовик! – воскликнула королева, целуя руку мужа. – Какой прелестный сюрприз ты мне устроил!

– Разве ты не говорила, что тебе хочется этого маскарада? – весело ответил король. – Здесь все делается по приказу королевы, так не удивляйся, что мы покорно исполнили роли, которые ты сама распределила между нами.

– О Людовик, как ты добр! – со слезами на глазах сказала королева. – Ведь я знаю, что все эти игры не доставляют тебе удовольствия, но ты все-таки принимаешь в них участие!

– Все потому только, что я люблю тебя, – просто ответил король, и счастливая улыбка скрасила его широкое, добродушное лицо. – Да, Мария, я люблю тебя, и мне доставляет большую радость доставлять тебе удовольствие.

Королева нежно прислонилась головой к груди мужа.

– Даря мне Трианон, Людовик, ты сказал мне: «Вы любите цветы, я дарю вам целый букет!» Мой дорогой государь, вы не только букет цветов подарили мне: вы мне подарили целый букет счастливых часов, счастливых лет, которыми я обязана только вам, вам одному!

– Пусть же этот букет никогда не завянет, Мария, – произнес король, поднимая к небу набожный, молящий взор и кладя руку на голову своей жены, словно благословляя ее. – Однако, госпожа фермерша, – после некоторого молчания прибавил он, – вы заставили меня позабыть свою роль: колесо остановилось, потому что мельник не на своем месте. Вообще наша мельница не совсем в порядке, и мне придется приложить здесь к делу свои слесарные познания... Но что это за пение раздается на улице?

– Это «крестьяне» и «крестьянки» зовут нас, – смеясь, сказала королева, – покажемся им, господин мельник!

Они вышли на наружную лестницу, у подножия которой собрались мэр, учитель, крестьяне и крестьянки, которые хором пели:

Выше счастья нет нигде,
Как в родной своей семье.

На глазах королевы навернулись радостные слезы. О, как полны были счастьем часы, проведенные сегодня в Трианоне королевской четой! Они были так ярко озарены солнцем, что Мария-Антуанетта совсем забыла тучи, омрачавшие утро.

Все обедали по-деревенски, потом гуляли по лугу, любуясь на пасущихся коров; потом фермерша подала подругам пример и принялась за работу: принесли ее прялку, и она усеялась за пряжу. Быстро вертелось колесо прялки, подобно колесу счастья, приносящему сегодня радость, завтра – печаль. Колесо счастья уже повернулось, горе уже близилось, но Мария-Антуанетта еще не знала этого; ее глаза еще светились счастьем, губы улыбались. Она сидела со всем своим обществом на берегу озера и удила рыбу и радовалась, если ей удавалось поймать что-нибудь: ведь эта рыба должна быть подана на ужин, на который фермерша пригласила своего супруга и который она была намерена приготовить своими руками.

Король ушел на мельницу отдохнуть, но кто-то нарушил его покой. Вероятно, дело было очень важно, если рискнули сделать это; ведь все знали, что в Трианоне король бывает редко и, раз он там, его нельзя беспокоить делами.

Но сегодня его обеспокоили, и министр барон де Бретейль сам явился в Трианон, чтобы видеть мельника и попросить его на этот раз стать опять королем.

IV. Ожерелье королевы

Когда камердинер, переодетый помощником мельника, доложил о приезде министра, король немедленно удалился в свою комнату и переоделся в свой обычный костюм: короткие панталоны, серый кафтан с серым атласным, вышитым золотом жилетом и орденом Святого Людовика на небесно-голубой ленте.

Переодевшись, король с озабоченным и встревоженным лицом вошел в комнату, где его ждал его первый министр, барон де Бретейль, и воскликнул:

– Говорите скорее! Вы принесли мне дурные вести? Случилось что-нибудь неожиданное?

– Государь, – почтительно ответил министр, – случилось действительно нечто неожиданное; насколько оно может быть названо дурной вестью, покажет следствие.

– Следствие? – воскликнул король. – Значит, дело идет о преступлении?

– Да, государь, о позорном обмане и крупной растрате как денег, так и драгоценностей.

– Ах, вот что! – со вздохом облегчения сказал король. – Значит, дело касается только денег?

– Нет, государь, оно касается также чести ее величества.

Людовик вскочил, и краска гнева залила его лицо.

– Неужели снова осмеливаются затрагивать честь королевы?

– Да, ваше величество, и на этот раз план задуман так тонко, что будет весьма трудно добиться истины. Ваше величество дозволите мне изъяснить дело несколько подробнее?

– Говорите, барон, говорите! – воскликнул Людовик, опускаясь на деревянную скамью и приглашая министра также сесть.

Бретейль поклонился и сел.

– Ваше величество, может быть, помните прекрасное ожерелье, которое несколько времени назад придворный ювелир Бемер имел честь предложить ее величеству?

– Помню; еще королева выказала при этом свойственные ей великодушие и бескорыстие.

– Всем известен благородный ответ, который ее величество дала своему супругу, желавшему подарить ей это ожерелье, – сказал Бретейль, – Париж с восхищением повторял ее слова: «Государь, у нас больше бриллиантов, чем кораблей; купите на эти деньги корабль».

– У вас хорошая память, – сказал король, – ведь это было пять лет назад.

– Я полагаю, государь, что после этого Бемер, несмотря на запрещение вашего величества, еще несколько раз беспокоил ее величество своим предложением продать ей ожерелье; по-видимому, он твердо решил, что в конце концов королева купит его. Он несколько лет собирал по всей Европе бриллианты, подбирая камни, совершенно одинаковые по величине, весу и игре. Так как королева отказалась приобрести ожерелье за два миллиона франков, то под конец Бемер просил за него уже только один миллион восемьсот тысяч.

– Да, я слышал об этом, – сказал король, – и королеве надоели его предложения, так что она велела больше не принимать его.

– Да, государь, его перестали допускать в Версаль. Но две недели назад он прислал ее величеству письмо, в котором просил королеву не забывать ее придворного ювелира и выражал радость, что ее величество обладает самыми дорогими бриллиантами в Европе. Королева прочла это письмо своей камер-фрау, мадам Кампан, и сказала, что эти бриллианты, очевидно, свели бедного Бемера с ума. Письмо ее величество бросила в огонь. Это сообщила мне мадам Кампан, к которой я должен был обратиться для разъяснения дела.

– Да что же случилось с этим ожерельем и какое отношение может иметь к нему королева? – воскликнул король, вытирая кружевным платком пот со своего лба.

– Государь! Бемер уверяет, что продал ожерелье ее величеству, и требует уплаты.

– Королева права: этот человек сошел с ума!

– Государь, он уверяет, что ее величество приобрела ожерелье тайным образом, через третье лицо, выдав двести тысяч франков задатка и установив последующие уплаты, по тридцати тысяч франков каждая.

– Кто же это доверенное лицо, его имя?

– Государь, это кардинал де Роган, состоящий при особе вашего величества.

Король вскрикнул и, вскочив с места, повторил:

– Роган? Кто осмелился соединять его имя с именем королевы, которая его терпеть не может? Полноте, Бретейль, эта сказка чересчур глупо задумана: никто не поверит ей!

– Однако, ваше величество, Бемер поверил и передал ожерелье кардиналу, после чего получил собственноручную расписку от ее величества. Все это он сообщил мне письменно, прибавив, что обратиться ко мне ему посоветовала мадам Кампан, так как я имею честь быть министром королевского двора. Обратившись к мадам Кампан, я узнал от нее такие важные сведения, что с ней вместе поспешил в Трианон, чтобы вы, ваше величество, могли немедленно выслушать ее показания. В Трианоне я узнал, что там только что был Бемер, и так как, по обыкновению, не был допущен к королеве, то ушел, плача и бранясь.

– Пойдемте! Я хочу переговорить с Кампан, – сказал король и поспешно вышел из комнаты.

Министр следовал за ним. Они прошли боковой дорожкой, минуя деревенскую улицу, чтобы не быть замеченными королевой.

– Кампан, – сказал король, входя в маленькую уборную королевы, – министр рассказал мне диковинную историю; повторите мне весь свой разговор с Бемером.

– Ваше величество, вы приказываете мне говорить, прежде чем об этом деле узнала королева? – спросила мадам Кампан с низким поклоном.

– Ах, вы видите, я был прав, – сказал король Бретейлю, – королеве ничего не известно, иначе она рассказала бы все мне. Слава богу, у королевы нет от меня тайн. Я благодарен вам за ваш вопрос, Кампан! Конечно, лучше, чтобы ее величество присутствовала при нашем разговоре. Есть тут кто-нибудь из прислуги королевы? – крикнул король, распахнув двери.

Тотчас же прибежал камердинер.

– Вебер! – сказал ему король. – Бегите немедленно в Малый Трианон и попросите от моего имени ее величество королеву прийти сюда на четверть часа по важному делу, не терпящему отлагательства. Только смотрите, не испугайте ее величества, чтобы она не подумала, что получены какие-нибудь печальные вести от ее родных. Торопитесь! А теперь, барон, – прибавил он, обращаясь к министру, – вы должны своими глазами и ушами удостовериться, что королева так же мало знает об этом деле, как и я, и будет так же удивлена: я хочу, чтобы вы присутствовали при разговоре, но так, чтобы королева не подозревала о вашем присутствии. Это заставит вас тотчас же убедиться в дерзком и бесстыдном обмане. Куда ведет эта дверь, Кампан? – обратился король к камер-фрау, указывая на белую с золотым бордюром дверь, полузакрытую белыми атласными портьерами, затканными розами.

– В маленькую гостиную, государь.

– Войдите туда, Бретейль, а вы, Кампан, спустите портьеры так, чтобы министр мог все слышать, оставаясь невидимым для королевы.

Не прошло и четверти часа, как вошла Мария-Антуанетта, взволнованная, с разгоревшимися щеками.

Король поспешил ей навстречу и, прижав ее руку к губам, произнес:

– Прости, Мария, что я потревожил тебя...

– Скорее скажите мне, в чем дело? – с нетерпением воскликнула королева. – Что случилось? Большое несчастье?

– Нет, Мария, но большая неприятность, которая может быть названа несчастьем только потому, что твое имя оказывается замешанным в обмане: ювелир Бемер уверяет, что продал тебе бриллиантовое кольцо за миллион восемьсот тысяч франков.

– Но этот человек сошел с ума! – воскликнула королева. – Это все, что ваше величество желали сказать мне?

– Прошу тебя, выслушай Кампан, которая повторит свой разговор с Бемером!

– Что?! – воскликнула королева, только теперь заметившая Кампан, скромно отошедшую к стороне. – Что все это значит?

– Ваше величество, я приехала сюда, чтобы передать вам то, что сказал мне Бемер. Он уже был сегодня здесь.

– Да что же ему наконец нужно? Ведь вы говорили мне, Кампан, что он продал это несчастное ожерелье, с которым он все ждал меня столько лет, султану в Константинополь?

– Я повторила вашему величеству то, что сам Бемер говорил мне; сегодня, когда ваше величество выехали в Трианон, он снова явился и спросил меня, не поручала ли королева передать что-либо ему. Я ответила, что ваше величество вообще не желает иметь с ним никакого дела. «Но должен же я получить ответ на то письмо, которое писал королеве! – воскликнул он. – К кому же мне обратиться?» – «Ни к кому, – ответила я, – ее величество бросила ваше письмо в огонь не читая». – «Это невозможно! – сказал он. – Ее величество знает, что должна мне большую сумму денег».

– Я должна ему? – с ужасом вскрикнула Мария-Антуанетта. – Каким образом этот несчастный осмеливается утверждать что-либо подобное?

– Я сказала ему это, ваше величество, но он вполне убежденно ответил, что ваше величество должны ему полтора миллиона франков за ожерелье.

– Как! Опять это несчастное ожерелье? – сказала королева. – Кажется, этот человек сделал его только для того, чтобы мучить меня. Я уже целые годы слышу все про это ожерелье. Вполне понятно, что я всеми способами старалась вылечить несчастного от его мании продать свою работу непременно мне. Теперь он уже настолько помешался, что полагает, будто я действительно купила это ожерелье!

– Этот человек не помешан, – серьезно возразил король, – выслушайте до конца. Продолжайте, Кампан!

– Я стала смеяться над ним, – продолжала Кампан, – и напомнила ему, что он несколько месяцев тому назад уверял, что продал ожерелье турецкому султану. Он возразил, что королева приказала ему говорить это всем, кто будет спрашивать о судьбе ожерелья, но что она действительно купила его через кардинала де Рогана.

– Через кардинала де Рогана? – закричала королева, вскочив с места. – Через человека, которого я ненавижу? Неужели во всей Франции найдется хоть один человек, который поверит этому?

– Я сказала Бемеру, что его обманули и что королева никогда не удостоила бы кардинала своего доверия. На это Бемер ответил мне вот этими самыми словами: «Вы сами обмануты; кардинал очень в милости и тайно видится с королевой; она настолько доверяет ему, что через него прислала мне тридцать тысяч франков в уплату долга. Она в присутствии кардинала вынула эти деньги из своего маленького бюро из севрского фарфора, которое стоит в ее будуаре, около камина». – «Это вам рассказывал сам кардинал?» – спросила я и, когда он ответил утвердительно, снова повторила, что его обманули. Бемер очень испугался и сказал, что на него уже напало сомнение, когда королева в Троицын день не явилась в его бриллиантах, между тем как кардинал сказал ему, что ее величество наденет их в этот день в первый раз. После того он и решился написать ее величеству. Я посоветовала ему обратиться к министру, барону де Бретейлю, а сама поехала сюда. Оказалось, что он и сам явился сюда, и я обещала ему немедленно уведомить обо всем ее величество.

Королева слушала этот рассказ в совершенном оцепенении, неподвижная и безмолвная, как статуя, изображающая ужас. Потом яркий румянец залил ее щеки, ее глаза засверкали, и, обращаясь к королю, она сказала громким и властным голосом:

– Вы слышали, государь? Вашу супругу смеют обвинять в тайных сношениях с кардиналом де Роганом! Я требую строгого и внимательного расследования этого дела. Позовите скорее барона де Бретейля! Пусть он посоветует нам, что делать. Я настаиваю на том, чтобы это было сделано как можно скорее.

– Ваши слова для меня закон, – ответил король, с любовью глядя на взволнованное лицо королевы. – Идите сюда, Бретейль!

– О государь! – воскликнула Мария-Антуанетта, увидав министра. – Вы, значит, не сомневались во мне?

– Ни на одну минуту, – улыбаясь, ответил король. – Теперь обсудим вместе с Бретейлем, что нам предпринять; пошлем также за аббатом де Вермоном, чтобы он принял участие в нашем совещании.

* * *

На следующий день, пятнадцатого августа, в залах Версаля собралось самое блестящее общество. Был большой праздник, Успение Божией Матери, и королевская чета намеревалась со всем двором присутствовать на торжественном богослужении; обедню должен был служить сам кардинал де Роган.

Он также находился в числе собравшихся и в праздничном облачении, со всеми знаками своего достоинства, ждал только прибытия короля и королевы, чтобы сопровождать их в дворцовый храм. Красивое лицо кардинала, у которого было много поклонников и поклонниц, поражало сегодня каким-то сияющим выражением, а его большие черные глаза, пока он разговаривал с графом д'Артуа, не отрывались от двери, в которую должна была войти королевская чета. Эта дверь внезапно растворилась, пропустив королевского пажа, который, окинув зал беглым взглядом, протеснился через блестящую толпу и подошел к кардиналу.

– Монсиньор, – прошептал он, – его величество ждет ваше высокопреосвященство немедленно в свой кабинет.

Кардинал тотчас прекратил разговор, быстро перешел зал и скрылся в кабинете.

Там он нашел только короля и королеву, а в глубине комнаты, в амбразуре окна, стоял министр королевского двора, барон де Бретейль, старый, непримиримый враг гордого кардинала, намеревавшийся в этот один час отомстить ему за долгие годы высокомерного обхождения.

Кардинал вошел с уверенным, любезным выражением на красивом лице, но холодный кивок короля и сверкающие глаза королевы несколько смутили его, и веки его гордых глаз опустились.

– Это вы купили у Бемера бриллианты? – резко спросил король.

– Да, ваше величество, – ответил кардинал.

– И что вы сделали с ними? Отвечайте, я приказываю!

– Государь, – после короткой паузы произнес кардинал, – я полагал, что они переданы королеве.

– Кто поручил вам покупку?

– Одна дама, государь, по имени Ламотт Валуа. Она передала мне письмо от ее величества, и я полагал заслужить одобрение ее величества, взяв на себя поручение, которым ее величество удостоила меня.

– Я? – вскрикнула королева с выражением глубочайшего презрения. – Я дала поручение вам, которого в течение восьми лет не удостоила ни единым словом!

– Теперь я вижу, – воскликнул кардинал, – что меня жестоко обманули. Я заплачу за ожерелье. Горячее желание услужить вашему величеству лишило меня способности видеть и рассуждать; я не заподозрил обмана и теперь горько разочарован. Я заплачу за ожерелье!

– И вы думаете, что этим все будет поправлено? – с гневом воскликнула королева. – Вы полагаете, что этой жалкой ценой вы окупите позор, который вы навлекли на свою королеву? Нет, я требую подробного расследования! Я настаиваю на том, чтобы все, принимавшие участие в этом позорном обмане, были привлечены к ответственности. Представьте доказательства того, что вы действительно сами были обмануты, а не обманывали сами!

– Ах, ваше величество! – воскликнул кардинал таким вызывающим и в то же время дружеским тоном, что королева задрожала от ярости. – Вот доказательства моей невинности, – продолжал он, вынимая из кармана бумажник, а из него – сложенный лист бумаги. – Вот письмо королевы к графине Ламотт, в котором ее величество поручает мне покупку ожерелья.

Король взял бумагу, прочел ее, взглянул на подпись, затем, презрительно пожав плечами, передал письмо королеве. Она набросилась на него с необузданностью тигрицы, наконец нашедшей свою добычу, и, быстро пробежав бумагу, разразилась громким, гневным смехом.

– Да ведь это – не мой почерк и не моя подпись! – воскликнула она, устремив пылающий взор в лицо кардинала и указывая на письмо. – Как же вы, принц и человек, занимающий такой высокий пост, можете быть так невежественны, чтобы поверить, будто я могу подписаться «Мария-Антуанетта Французская»? Каждый знает, что королевы подписываются только своим именем; и вы один этого не знаете?

– Вижу, понимаю, – пробормотал кардинал, который под взглядом королевы побледнел как смерть и, шатаясь, прислонился к столу, чтобы не упасть, – я вижу, что допустил страшно обмануть себя.

Король взял со стола какое-то письмо и, протянув его кардиналу, спросил:

– Признаете ли вы, что написали это письмо ювелиру Бемеру, передавая ему от имени королевы тридцать тысяч франков в виде задатка?

– Да, государь, признаю, – убитым голосом ответил кардинал.

– Он признает? – сказала королева, скрипнув зубами и сжимая свои маленькие руки в кулаки. – Он мог считать меня способной на такую низость, меня, свою королеву?!

– Вы утверждаете, что купили бриллианты для королевы? – продолжал король. – Вы передали их ее величеству?

– Нет, государь, это сделала графиня Ламотт.

– От вашего имени?

– Да, государь, от моего имени; она также передала королеве квитанцию в уплате ста пятидесяти тысяч франков, которые я одолжил королеве для покупки.

– И какую же награду получили вы от королевы?

Кардинал колебался; но, все еще чувствуя на себе холодный, гневный, презрительный взгляд Марии-Антуанетты, он вдруг вспыхнул и, в свою очередь бросив на нее уничтожающий взгляд, произнес:

– Вы этого хотите, ваше величество? Я скажу всю правду! Государь, ее величество наградила меня за эту маленькую услугу по-королевски: она сооблаговолила назначить мне свидание в Версальском парке.

При этом новом ужасном оскорблении королева громко вскрикнула и, прыгнув вперед, подобно львице, схватила своего супруга за руку и, сильно встряхнув ее, воскликнула:

– Государь, вы слышите этого государственного изменника, поносящего свою королеву? Неужели красная мантия может защитить преступника?

– Нет, не может и не должна! – крикнул король. – Бретейль, исполните свой долг, а вы, кардинал, осмеливающийся обвинять свою королеву, выходите вон!

– Государь! – пробормотал кардинал. – Государь, я...

– Ни слова больше! – перебил король, указывая рукой на дверь. – Вон, говорю вам, вон! Кардинал, шатаясь, направился к двери, отворил ее и снова очутился в зале, где, перешептываясь, смеясь и болтая, волновалась блестящая толпа придворных.

Вслед за кардиналом на пороге появился барон де Бретейль.

– Поручик, – громко обратился он к гвардейцу, стоявшему у дверей королевского кабинета, – именем его величества короля арестуйте кардинала де Рогана и отправьте его под конвоем в Бастилию!

Всеобщий крик ужаса встретил эти слова, раздавшиеся, подобно удару грома, среди этой беззаботной толпы. Затем наступила мертвая тишина. Все взоры устремились на кардинала, который без кровинки в лице, но с высоко поднятой головой гордо шел по зале. Молодой офицер, следовавший за ним с таким же бледным лицом, догнал его и, слегка прикоснувшись к его руке, с выражением глубокого горя сказал:

– Монсиньор, именем короля я арестую ваше высокопреосвященство. Я имею приказание отвезти вас в Бастилию.

– Хорошо, сын мой, – спокойно ответил кардинал, – если такова воля короля, отправимся в Бастилию.

У самых дверей, которые офицер уже растворил пред ним, де Роган обернулся и благословил изумленную и испуганную толпу.

Придворные поспешили разнести эту новость по всему Парижу: король приказал арестовать кардинала, первое духовное лицо во всей Франции! Так захотела королева!

И, чем дальше распространялось известие, тем больше нарастало на нем клеветы, подобно снегу, нарастающему на катящуюся лавину.

– Проклятие австриячке! – гремел вечером этого дня Марат в своем клубе. – Она заняла у кардинала денег, чтобы купить себе бриллианты. Бриллианты, когда народ голодает! А когда кардинал захотел получить обратно свои деньги, она отрекается от долга и сажает князя церкви в Бастилию! Проклятие австриячке!

– Проклятие австриячке! – рычал сапожник Симон. – Мы припомним ей, что, в то время, когда у нас нет ни сентима на кусок хлеба, она тратит миллионы на свои бриллианты!

И все присутствовавшие в клубе мужчины потрясали кулаками, повторяя за Симоном:

– Проклятие австриячке!

V. Друзья и враги

Париж был возмущен. На всех площадях, на всех перекрестках собирались кучки народа, которому ораторы сообщали потрясающую новость.

– Кардинал де Роган, – кричал на одном углу францисканский монах, – недостойным, деспотическим образом лишен своих прав и свободы! Как высшая духовная особа, он не подлежит власти короля; на него можно жаловаться только святейшему отцу, Римскому Папе. Только святая церковь имеет право наказывать своих служителей, и никто до сегодня не осмеливался отнимать у нее ее права; между тем теперь хотят судить кардинала как светского слугу короля, и притом за вину, в сущности вовсе не существующую, потому что дама, которую он считал за доверенное лицо королевы, сказала ему, что королева желает купить бриллиантовое ожерелье, но у нее нет на это денег; это понятно, так как благодаря страшной расточительности королевы ее касса всегда пуста. Узнав, что королева желает, чтобы кардинал одолжил ей нужные деньги и купил бриллианты от ее имени, кардинал, как преданный слуга короля, поспешил исполнить желание королевы, чтобы она не обратилась к другому придворному и не скомпрометировала еще больше королевское имя.

– Пропади она пропадом, эта австриячка, эта королева бриллиантов! – закричал находившийся в толпе Симон, и сотни голосов повторили за ним:

– Пусть погибнет австриячка!

– Слушайте, слушайте, добрые парижане, слушайте, добродушные овечки, с которых шерсть дерут вместе со шкурой, чтобы австриячке мягче спалось! – кричал на другом углу визгливый голос. – Слушайте, что сегодня происходит в Париже! Я только что из парламента и могу вам прочесть слова, которыми король открыл сегодняшнее собрание.

– Прочтите, прочтите! – раздалось в толпе. – Тише там, дайте слушать!

– Боюсь только, что вы меня не поймете, – продолжал тот же голос.

В это время сквозь толпу протеснился высокий, широкоплечий, чисто одетый человек.

– Эй, вы, маленький человечек! – закричал он. – Давайте, я подниму вас на плечи, тогда все вас услышат! Ах, да это – Марат, наш друг Марат, маленький человек, но великий доктор!

– А вы – мой друг Сантерр, большой человек и еще более великий доктор, – ответил Марат, – потому что пиво, которое вы варите, гораздо лучше излечивает народ, чем все мои лекарства. Так вы хотите, мой друг, посадить Марата, эту уродливую обезьяну, к себе на спину, чтобы он мог сообщить народу важную новость?

Пивовар вместо всякого ответа схватил калеку на руки и сильным движением посадил его себе на плечо. Народ разразился бурными аплодисментами. Пивовар был очень популярен; хорошо знали и Марата, «лошадиного доктора», как он с насмешкой называл себя сам, «целителя бедности и горя», как называли его льстецы.

Повернувшись лицом к величественным громадам Тюильри, висевшим за деревьями сада, он погрозил королевскому замку кулаком и крикнул:

– Слышите ли, гордые земные боги, грозные раскаты грома царственной силы? Неужели они не заставят вас пробудиться от вашего порочного сна, не заставят вас упасть на колени и молиться, подобно бедным грешникам пред казнью? Нет, вы ничего не видите, ничего не слышите, глухи ваши уши, закрыты ваши сердца! Вы предаетесь наслаждениям, не слушая голоса истины, глаголящей святыми устами народа!

– Да здравствует Марат! – заревела толпа. – Марат лечит бедных людей, которых калечат знатные господа! Марат – не знатный барин! Он не презирает народа!

– Друзья мои! – продолжал Марат. – Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы разумный человек предпочитал старого, расслабленного пороками, истощенного короля молодому, сильному, прекрасному наследнику престола? Этот наследник Франции – вы, народ французский,

и настанет время, когда народ, прекрасный наследник престола, завладеет Францией! Но я взобрался на этот импровизированный трон, на плечи этого благородного гражданина для того, чтобы сообщить вам о новом бесстыдстве королевы, попирающей наши законы своими еще не уставшими от балов и ночных прогулок ногами! Хотите выслушать, какую бумагу прислал сегодня король в парламент по поводу случая с кардиналом де Роганом?

– Хотим, хотим, читайте! – раздались голоса.

Марат вытащил из нагрудного кармана запачканный лист бумаги и громко прочел:

– «Мы, Божией милостью король Франции и Наварры, Людовик Шестнадцатый, – нашим возлюбленным и верноподданным советникам, членам нашего парламента! До нашего сведения дошло, что ювелиры Бемер и Бассанж без ведома королевы, нашей возлюбленной супруги, продали кардиналу де Рогану, сказавшему им, что он действует по поручению королевы, бриллиантовое ожерелье ценою в миллион восемьсот тысяч франков, каковая сумма должна была выплачиваться в известные сроки. Вручив названное ожерелье кардиналу де Рогану, упомянутые ювелиры не получили, однако, первого взноса, почему и обратились к самой королеве. Увидев со справедливым негодованием, что нашлись люди, позволившие себе злоупотребить уважаемым и дорогим для нас именем и осмелившиеся забыть уважение, которым обязаны королевскому величеству, мы сочли неизбежным арестовать вышеупомянутого кардинала, а вследствие сделанного им разъяснения и особу, именуемую Ламотт Валуа, которою он был обманут, и принять меры, дабы открыть виновников или соучастников злого покушения. Доводим все вышеизложенное до сведения судебной палаты нашего парламента, которая расследует дело и вынесет свой приговор».

Каково послание? – воскликнул Марат. – Каково сплетение лжи, которым опутывает нас австриячка! Конечно, это она послала такое письмо в парламент. Ведь вы знаете, что у нас нет больше короля всей Франции: теперь вся Франция обращена в Трианон австриячки! На всех воротах, чуть ли не на всех домах стоит надпись: «От имени королевы!» Австриячка правит Францией, а простак Людовик пишет себе все, что ей угодно ему продиктовать. Австриячка пишет, что желает найти соучастников этого преступления! Лучше бы она старалась, чтобы их не нашли, потому что соучастница – сама она! Ламотт Валуа только таскала для нее каштаны из печки. И так бывает всегда: короли грешат безнаказанно, а другие за них расплачиваются; но что в этом случае расплачиваться должен кардинал, высшая духовная особа во Франции, состоящая при особе короля и заведующая раздачей милостыни из королевской казны, – доказывает, что дерзость австриячки дошла до крайности. Она растоптала ногами стыд, совесть, нравы, а теперь собирается растоптать церковь!

– Тише! – закричали вдруг в толпе. – Карабинеры едут! Замолчите, Марат! Мы не хотим, чтобы все наши друзья попали в Бастилию!

Действительно со стороны Тюильери приближался отряд карабинеров, но, прежде чем они подъехали к толпе, Марат с помощью Сантерра спустился на землю и затерялся среди своих слушателей.

Следствие о бриллиантовом ожерелье началось в тот же день. Между тем кардинал де Роган сидел в Бастилии, где с ним обращались со всем уважением, подобавшим его высокому положению. Ему был предоставлен целый ряд комнат; при нем находились два его камердинера и секретарь; ему было дозволено видаться с родственниками, но в присутствии коменданта Бастилии Фулона. Впрочем, последний был таким добрым католиком, что всегда держался от кардинала на почтительном отдалении. Во время допросов президент следственной комиссии обращался с подсудимым с величайшим уважением, и, если кардинал чувствовал себя утомленным, допрос тотчас же прекращался и был откладываем на другой день. Защитники кардинала были допущены к следствию, чтобы, смотря по обстоятельствам, вызывать свидетелей, которые доказывали бы, что вся вина кардинала состояла лишь в излишнем усердии услужить королеве.

В Париже ходили слухи о массе арестов. Рассказывали, что в Брюсселе арестовали женщину, необыкновенно похожую на королеву, и посадили ее в Бастилию. Процесс тянулся уже много месяцев, но следствие все еще не было закончено. Друзья королевы утверждали, что она вовсе не знала графиню Ламотт Валуа и только однажды по просьбе самой графини выдала ей вспомоществование через своего камердинера, Вебера. Но друзей у королевы было немного, и их число с каждым днем уменьшалось. Ввиду того что последние годы были неурожайны, король нашел необходимым сократить расходы, как государственные, так и своего двора, и те, кто пользовался в неограниченных размерах его милостями, должны были покориться этой перемене.

Золотой дождь, которым пользовались друзья королевы, исходил из ее милостивых рук: ей было так приятно, так отрадно радовать тех, кого она любила! Как сладко было видеть очаровательную благодарную улыбку на лице молодой герцогини Полиньяк, которая никогда ничего не просила лично для себя и которую Мария-Антуанетта только с трудом, почти с угрозами могла заставить принять какой-нибудь знак ее расположения! Но за Жюли Полиньяк стояли ее зять с женой, корыстные, честолюбивые, гордые люди, а также Водрейль, Адемар и Безанваль, жаждавшие почетных и выгодных мест и знаков отличия.

Все эти эгоисты и честолюбцы действовали через Жюли де Полиньяк, и так как королева не могла отказать своей любимице, а король – своей возлюбленной супруге, то просьбы достигали цели. Старые знатные семьи со справедливым негодованием смотрели на господство Полиньяков и в конце концов удалились от двора, находя забавы «трианонской королевы» не подходящими для себя развлечениями. Король оказался совершенно предоставленным влиянию своей супруги, то есть Полиньяков и прочих любимцев, которые завладели почестями, лучшими местами, влиянием. Королевскую чету окружали только интриги, зависть, вражда. Ясные дни счастья, покоя, о которых мечтала королева, померкли, едва увидев рассвет. Трианон существовал, но те, кто делил с прекрасной «крестьянкой» ее удовольствия, сильно изменились: это были не друзья, но интриганы, льстецы, охотники до выгодных мест. Королева не хотела поверить этому и все еще относилась к ним с прежней любовью, все еще опиралась на них, все еще советовалась с ними и передавала эти советы королю. И наконец наступил день, когда она начала понимать, что она сама – не властительница, что исполняет лишь чужую волю.

– Я должна была вмешиваться в государственные дела, – говорила Мария-Антуанетта, – потому что король слишком добр и благороден, слишком доверчив; а так как никто не может быть преданнее королю, чем его жена, мать его детей, то он и должен опираться на меня и на мою помощь.

Теперь королева увидела, что Калонн, которого она по указанию Полиньяков назначила на место генерального контролера финансов, был совершенно недостойн этого поста. Королева и сначала не доверяла ему и уступила только просьбам друзей; но общественное мнение считало его ее любимцем, назначение его – несчастьем для Франции и весь гнев обрушивало на королеву. Единственным хорошим результатом назначения Калонна было появление массы сатир и памфлетов на финансовое положение Франции; король потребовал от министра полиции все эти листки, чтобы изучить их и добратся посредством них до корня: они не льстили и могли указать ему, как сделаться хорошим правителем. И он узнал, что надо быть экономным, беречь государственные средства. Вполне самостоятельно, не посоветовавшись даже с королевой, король приказал сократить расходы своего двора, почти уничтожил свои огромные конюшни, сократил вознаграждение гувернантки своих детей и придворных дам своей сестры, мадам Элизабет. Королевскими конюшнями заведовал герцог Полиньяк, старшей статс-дамой при мадам Элизабет была его жена, гувернанткой при детях Франции – его невестка. Полиньяки бросились к королеве, но получили в ответ:

– Такова воля короля, и я счастлива, что он проявил ее. Долг подданных – покоряться ей.

– До сих пор только в Турции жили, опасаясь потерять сегодня то, что только что вчера получили! – с негодованием воскликнул Безанваль.

Королева вздрогнула: она на всех лицах прочла неудовольствие и враждебность. Маски спали. Королева схватилась за сердце, но, преодолев свое горе, кротко сказала:

– Король и себя лишил многого для общественного блага. Но забудем эти огорчения, ведь они не могут помешать нам оставаться добрыми друзьями... Герцог де Куаньи, вы должны отыграться: последняя партия на бильярде осталась за мною... Пойдемте в бильярдную, друзья мои!

Но никто не последовал за нею.

– Что это значит? – с гневом сказала королева. – Разве никто не слышал моего приглашения?

– Очевидно, все помнят, что вы, ваше величество, требовали прежде, чтобы в Трианоне все делали, что хотят, – сердито ответил Куаньи. – Да и как быть спокойными и довольными, когда теряешь то, чем пользовался? Это ужасно, ни на что нельзя положиться, даже на королевское слово!

– Вы забываетесь! – воскликнула разгневанная Мария-Антуанетта. – Вы говорите со своей королевой!

– В Трианоне нет королевы и подданных! – дерзко ответил Куаньи. – Я, по крайней мере, помню ваши слова, хотя сами вы их забываете! Давайте играть!

Он схватил кий королевы, сделанный из клыка носорога, оправленного в золото. Это был подарок австрийского императора, ее брата, и королева очень дорожила им.

– Вы ошиблись: это мой кий! – закричала королева. – Дайте его мне!

– У меня отнимают то, что мне принадлежит, почему же и мне не следовать этой новой моде? – дрожа от бешенства, возразил Куаньи. – Я докажу этим вашему величеству, что научился кое-чему от вас!

И он так сильно ударил кием шар, что сломал подарок императора.

Королева вскрикнула и, указав дрожащей рукой на дверь, сказала властно и повелительно:

– Герцог де Куаньи, я освобождаю вас от обязанности когда-либо появляться в Трианоне!

Куаньи отвесил довольно небрежный поклон и, ворча себе под нос, оставил комнату. Королева посмотрела ему вслед с выражением глубокой горечи и ушла в свою комнату, где, бросившись в кресло, залилась слезами.

– Ах, – простонала она, – они все отнимут у меня, все разобьют: мое доверие, мое мужество, мое сердце! Мне останется одно горе, и те, кого я считала своими друзьями, не захотят разделить его!

VI. Процесс

Целый год длилось следствие, целый год родные и друзья кардинала настраивали в его пользу не только общественное мнение, но и судей и членов парламента. Против королевы поднялись не только старинные дворянские роды, не только принцы и принцессы крови, ненавидевшие ее за то, что она – австриячка и любима королем, но и поклонники движения и свободы, поставившие себе задачей разрушить ореол, окружавший королевский трон. Оскорбленные родственники кардинала желали видеть королеву по крайней мере настолько же опозоренной и скомпрометированной, как и сам кардинал. Они знакомились и любезничали с судьями, нанимали писак, сочинявших памфлеты и сатиры на королеву, распространяли брошюры, защищавшие кардинала; таким образом, когда наступил день суда, тридцатое августа 1786 года, общественное мнение было, безусловно, на стороне кардинала де Роана.

Уже с самого раннего утра вся площадь перед Консьержери была полна народом; сторонники кардинала, а также и «борцы за свободу», как называли себя Марат и его единомышленники, сновали в толпе, вооружая ее против королевы.

Судьи, заседавшие в зале за зеленым столом, сочувственно смотрели на подсудимого, который стоял пред ними, спокойный, полный достоинства; вместо красного одеяния он надел сегодня платье фиолетового цвета, которое духовные особы носят в знак траура. Благословив всех присутствующих, кардинал в кратких и простых словах дал свои показания.

Графиня Ламотт Валуа, последний отпрыск прежней королевской династии, была рекомендована ему его родственницей, мадам Буленвилье. Муж графини, гарнизонный офицер, не имел средств, поэтому кардинал принял участие в женщине, потомке французских королей, а затем выхлопотал ей пенсию в размере тысячи пятьсот франков от короля Людовика. Отправившись в Версаль, чтобы выразить свою благодарность королеве, графиня объявила затем кардиналу, что Мария-Антуанетта пригласила ее бывать у нее почаще, чем графиня воспользовалась очень широко. Сам кардинал не пользовался милостью королевы, которая даже никогда не разговаривала с ним, что делало его безутешным. Графиня обещала ему замолвить за него слово и так трогательно описала королеве его отчаяние, что королева обещала простить его, если он письменно будет умолять забыть то обстоятельство, что, будучи много лет назад послом при австрийском дворе, он позволил себе предложить императрице Марии-Терезии выразить порицание ее дочери, тогда еще супруге дофина, за ее легкомысленное поведение. За это единственное свое преступление пред королевой он и просил у нее смиренно прощения и получил от нее через графиню милостивый ответ.

– Я хранил его на моей груди, – сказал кардинал, – поэтому он избежал судьбы остальных бумаг, сожженных моими врагами в моем дворце во время обыска.

С этими словами кардинал подал председательствующему письмо, в котором королева изъявляла кардиналу свое благоволение, обещала в будущем аудиенцию, но приказывала молчать об этом. Письмо было подписано: «Мария-Антуанетта Французская».

Председательствующий положил письмо на стол к другим документам и сочувственно поглядел на подсудимого; он только теперь обратил внимание на то, что кардинал не сидел, а стоял пред судьями, как обыкновенный преступник. Он тотчас же приказал подать ему кресло. Подсудимый слегка наклонил голову и спокойно сел. Затем он продолжал свой рассказ.

Получив это письмо, он стал торопить графиню испросить ему скорее аудиенцию у королевы, так как, несмотря на высказанное прощение, королева всякий раз, когда он имел счастье видеть ее, высказывала ему прежнюю неприязнь. Когда он однажды осмелился подойти к ней и заговорить, королева гневно отвернулась и громко сказала герцогине Полиньяк:

– Какое бесстыдство! Эти люди воображают, что их красная мантия все позволяет им!

Тут ему впервые пришла мысль, что слова графини и даже письмо могут оказаться фальшивыми, и он высказал это самой графине, прибавив, что лишь тогда поверит ее уверениям, если она в один из последующих дней устроит ему так давно желаемое им свидание с королевой. Графиня рассеяла его сомнения, и за аудиенцию у королевы он обещал ей, как знак своей благодарности, пятьдесят тысяч франков.

При этих словах на скамьях, занятых врагами королевы, знатными вельможами, как Роган, Вергон и другие, послышался ропот одобрения.

– Сдержала ли графиня Ламотт Валуа свое обещание? – спросил председатель.

Принц де Роган не сразу ответил; он заметно побледнел, и на его красивом лице выразилась душевная борьба.

– Высокое собрание, – сказал он наконец дрожащим голосом, – в эту минуту я чувствую, что под одеждой священника в моей груди бьется сердце мужчины, а всякий мужчина совершает преступление, когда разоблачает тайну женщины, подарившей его своею милостью; но я обязан защищать честь духовного лица и потому совершу этот проступок. Может быть, я был обманут, но я должен снять с своего сана подозрение, будто я мог сам быть обманщиком, и поэтому мне приходится раскрыть тайну дамы... тайну королевы.

Голос кардинала звучал так кротко, так трогательно, что на скамьях зрителей послышалось сдержанное рыдание, а глаза председателя де Лэгра наполнились слезами.

– Ваш святой долг – говорить на суде всю правду, – сказал он, – поэтому, монсиньор, повторяю свой вопрос: доставила вам графиня обещанное свидание?

– Да, – взволнованным голосом ответил кардинал, – доставила.

Затем он рассказал, что графиня передала ему желание королевы встретиться с ним в саду Версаля, причем кардинал должен был быть одет, как простой горожанин. В подтверждение своих слов графиня показала ему адресованное ей самой письмо королевы, в котором Мария-Антуанетта советовала своей милой подруге быть крайне осторожной, не говорить громко и выйти из кустов в назначенном месте только тогда, когда сама королева подаст знак. Это письмо вполне убедило кардинала, и в назначенный день и час он в наемной карете отправился с графиней в Версаль. Спрятав его в указанном месте на террасе, графиня отправилась предупредить королеву, совершавшую обычную вечернюю прогулку с графом и графиней д'Артуа. Скоро кардинал при свете луны увидел благородную фигуру в красной одежде и с голубыми лентами в волосах, быстро приближавшуюся вместе с графиней Ламотт Валуа. Кардинал не мог более сомневаться: это была королева. На ней был тот же костюм, в котором он видел ее в прошлое воскресенье. Он упал пред нею на колени и поцеловал протянутую руку.

– Я довольна вами, монсиньор, – сказала королева, – и скоро вы получите от меня знаки величайшего благоволения. А пока вот вам залог! – И, сняв со своей груди розу, королева подала ее кардиналу. – И еще вот вам на память, – прошептала она, – мой портрет. Смотрите на него почаще и не сомневайтесь, что я...

Но в это время подбежала графиня, ждавшая в отдалении, и сказала:

– Сюда идут! Ради бога, ваше величество, удалитесь!

На другой день графиня передала кардиналу второе письмо королевы, в котором ее величество жаловалась, что свидание было прервано, и обещала скоро назначить второе. Затем кардинал по делам церкви должен был уехать в Эльзас, но уже на другой день к нему явился муж графини с новым письмом от королевы. Она желала, чтобы он немедленно вернулся в Париж, потому что она нуждается в его помощи и только ему может довериться в деле, которое графиня разъяснит ему. Он примчался в Париж, и графиня рассказала ему, что бриллиантовое ожерелье, от которого королева сначала отказалась из-за высокой цены, страшно нравится ей и что, боясь, что оно будет продано в Константинополь, она желает тайно от короля купить его, но что ее касса в настоящее время пуста, так как она все сбережения раздала бедным. Она поручает кардиналу купить ожерелье, для чего дает собственноручно написанную доверен-

ность, которую он может показать ювелирам, но должен оставить ее у себя. Первые шестьсот тысяч франков кардинал должен заплатить сам; остальное, также и свой долг кардиналу, королева желала уплатить в известные сроки. Кардинал был весьма польщен доверием королевы, а через два дня графиня Валуа принесла ему доверенность ее величества на покупку бриллиантов, помеченную в Трианоне и подписанную «Мария-Антуанетта Французская». В таком важном вопросе кардинал решил посоветоваться со своим другом, графом Калиостро, который за несколько лет пред тем вылечил его от тяжелой болезни и с тех пор был его советником в делах, неоценимым другом и отчасти пророком его судьбы. Граф попросил невидимых духов и получил ответ, что кардинал должен оправдать выказанное ему доверие, что будущее его возвышение послужит на благо Франции. Кардинал купил ожерелье. Доверенное лицо должно было явиться за ним в дом графини, которая пригласила кардинала тайно присутствовать при передаче ему бриллиантов.

Первого февраля 1784 года он отправился к графине; его доверенный камердинер сопровождал его и нес шкатулку с ожерельем, которую при входе в дом кардинал сам передал графине. Она спрятала его в комнате, рядом со своей комнатой. Сквозь стеклянную дверь он услышал, как доложили: «По поручению ее величества!» – и в комнату вошел человек, которого он уже не раз видал у графини и которого она назвала кардиналу как доверенного камердинера королевы. Этот человек получил из рук графини шкатулку и удалился, а кардинал почувствовал глубокую радость и удовлетворение, что мог оказать услугу супруге своего короля, матери своего будущего короля, и избавил ее от необходимости обратиться к другому лицу.

При этих словах кардинала знатные слушатели выразили шумное одобрение, а одна дама под густой вуалью громко сказала:

– Водрейль или Куаньи не заплатили бы такой суммы, но зато потребовали бы большей платы!

Председатель, барон де Лэгр, бросил на говорившую строгий взгляд, но не сделал ни малейшего замечания.

– Со дня этой несчастной покупки, – печально продолжал кардинал, – я испытывал только муки и терзания: королева не устаивала меня ни единым словом; она также не надела ожерелья в предполагавшийся день. Это огорчило и обеспокоило меня, но в ответ на мои жалобы графиня принесла мне весьма приветливое письмо от королевы, которая объяснила, что не хотела надеть ожерелье в непраздничный день, чтобы не привлечь внимания короля и всего двора. Я успокоился, но, когда подошел день платежа и королева не подала никакой вести ни мне, ни ювелирам, я начал думать, что обманут людьми, знавшими о моей преданности королеве, и ужаснулся. Тогда графиня сказала, что у королевы в настоящее время нет большой суммы денег и она заплатит только проценты, тридцать тысяч франков, которые графиня завтра же принесет мне. Но в тот же день случилось событие, почти повергнувшее меня в отчаяние: посетив герцогиню Полиньяк, я застал ее за чтением записки, только что принесенной от королевы; я попросил позволения взглянуть на почерк и...

Кардинал в глубоком волнении склонил голову и несколько минут молчал; только его губы тихо шептали молитвы. Судьбы не решались прервать их.

– Это был совершенно другой почерк, нежели почерк полученных мною писем, – горестным тоном продолжал кардинал, – и подпись состояла только из имени: «Мария-Антуанетта». Я бросился к графине и осыпал ее упреками, она испугалась, смутилась, но потом заявила, что королева, вероятно, диктовала свои письма ко мне, но сама подписывала их; в этом графиня готова была поклясться. Вечером ко мне явились испуганные ювелиры: королева ничего не прислала им, а когда они пробовали добиться аудиенции, то не были допущены во дворец. Они обратились к мадам Кампан, которая заявила им, что у королевы нет этого ожерелья, что она никогда не виделась с графиней Ламотт Валуа, что все это – гнусная интрига против королевы

и что она, Кампан, тотчас отправится в Трианон, чтобы известить обо всем королеву. В следующее воскресенье в Версале произошло то, что вы уже знаете. Больше мне нечего прибавить.

– От лица всего суда благодарю вас, ваше высокопреосвященство, за ясное и откровенное изложение этой печальной истории, – сказал председатель. – Вы утомлены, а потому можете вернуться сейчас же в Бастилию.

В ответ на поклон кардинала все судьи встали, как один человек, и поклонились почти с благоговением. С трибуны для зрителей закутанная вуалью дама крикнула:

– Да благословит Господь мученика королевской власти!

Председатель приказал ввести обвиняемую, графиню де Ламотт Валуа. Пред судьями появилась стройная, изящная молодая женщина, одетая нарядно и богато, с сильно нарумяненным лицом и насмешливой улыбкой, открывавшей два ряда великолепных зубов. Среди зрителей послышался неодобрительный шепот.

– Господа, – громко сказала графиня, устремив на судей взор блестящих черных глаз, – разве здесь театр, что публика выражает свое одобрение или неодобрение?

Председатель не удостоил ее ответом, но подал знак приставу, и тот поставил пред столом тяжелый деревянный стул, к высокой спинке которого были приделаны две короткие железные цепи.

– Как вы смеете предлагать мне стул, на который сажают преступников? – гневно закричала графиня Ламотт.

– Садитесь! – повелительно сказал пристав. – Этот стул предназначен для подсудимых, а цепи – для непокорных! Если вы не сядете на место добровольно, я позову людей, и вас посадят насильно!

Графиня громко вскрикнула от гнева, но, не встретив ни с чьей стороны сочувствия, дерзко засмеялась и грациозно уселась на стул, точно была не пред лицом судей, а в изящном салоне. На вопрос председателя о ее имени и годах она ответила, что он, очевидно, не привык к дамскому обществу, если осмеливается спрашивать о возрасте, хотя бы и такую молодую даму, как она; но все-таки сказала, что ее зовут графиней де Ламотт Валуа, и при этом прибавила:

– Если бы в этой несчастной стране, которую губят недалекий король и развратная королева, было сколько-нибудь справедливости, то я, потомок французских королей, занимала бы престол, а сидящая теперь на нем кокетка стояла бы пред судом, как воровка, потому что бриллианты у Марии-Антуанетты, а вовсе не у меня!

Судьи не нашли нужным возмутиться таким дерзким обвинением; а среди зрителей оно даже вызвало громкое одобрение.

– Вы совершенно неверно ответили на мой вопрос, – после короткой паузы сказал председатель. – Никаких прав на престол вы не имеете, как потомок незаконнорожденных родителей. Ваш отец был простой крестьянин из Отейля, о голодавшей семье которого госпожа Буленвилье заботилась по просьбе местного священника, знавшего из бумаг, что эти Валуа действительно происходили от незаконных потомков королевской фамилии. Один из ваших предков был казнен как фальшивомонетчик; ваш дед был его незаконным сыном. Вот каково ваше родство с королями Франции.

Графиня хотела вскочить со стула, но грозный голос пристава остановил ее, и на ее румяных щеках впервые проступила мертвенная бледность.

Между тем председатель продолжал:

– Госпожа Буленвилье взяла к себе старшую дочь поденщика Валуа, несколько лет воспитывала ее и заботилась о ней, но воспитанница убежала с подпоручиком графом Ламотт, оставив своей благодетельнице дерзкое письмо и похитив из ее шкатулки двадцать тысяч франков.

– Вы неверно выражаетесь! – прервала графиня. – Эти деньги были обещаны мне в приданое самой госпожой Буленвилье, я и взяла их с собой!

– Женившись на дочери поденщика, граф Ламотт с трудом содержал жену, – продолжал председатель, – но он очень счастливо играл в карты и по подозрению в шулерстве был выгнан из полка. Тогда муж отправился со своими картами в путешествие по Южной Франции, а жена – в Париж поправлять обстоятельства. Вот правдивый ответ на мой вопрос, кто вы такая.

– Вы забыли прибавить, что я – подруга кардинала де Рогана и поверенное лицо Марии-Антуанетты Французской и что они сделали из меня козлице отпущения за свою вину. Вся моя вина в том, что я помогла королеве добыть бриллианты, а влюбленному кардиналу – приблизиться к предмету его любви. Он должен признаться, что был на свидании, поцеловал руку своей возлюбленной и получил розу с ее груди. В чем же тут моя вина?

– В обмане, в утайке денег, в клевете, в воровстве, – строго ответил председатель, – вы обманули кардинала, подделали почерк королевы, хитростью завладели бриллиантами.

– Все лгут на меня! – гневно закричала графиня, топая ногами. – Но правда выйдет на свет Божий!

– Да, правда выйдет на свет Божий, – повторил председатель де Лэгр, – прошу теперь истца королевы, господина де Барильона, заявить свое обвинение.

Генеральный прокурор поднялся с места и при мертвом молчании присутствующих сказал длинную речь. Он обрисовал графиню де Ламотт Валуа хитрой и ловкой искательницей приключений, сперва обращавшейся с просьбами о помощи ко всем влиятельным лицам, затем заручившейся участием доброго и доверчивого кардинала де Рогана, который лично посетил ее в бедной мансарде и пожелал помочь ей. Она сумела завладеть его расположением и доверием и, узнав о стремлении Бемера продать королеве драгоценное ожерелье и о безграничной преданности и горячих чувствах кардинала к королеве, построила на этом свой план, который и удался ей. Кардинал не усомнился ни в фальшивой расписке, ни в письмах, якобы написанных королевой, и таким образом бриллианты были куплены и оказались в руках интриганки. Она вынула камни из оправы, разломала и продала ее за пятьдесят тысяч франков, купила на эти деньги особняк, роскошно обставила его, завела прекрасную конюшню. Кардинала она продолжала принимать в скромной мансарде своего же особняка и, когда он положил ей пенсию в четыре тысячи франков, со слезами благодарила его. Затем она начала получать дорогие подарки от своего мужа, который во время интриги скрывался в Париже и помогал ей. Когда она разбогатела, де Ламотт отправился в Лондон, «по семейным делам», но на самом деле для того, чтобы продать несколько камней из ожерелья, что в Париже было бы опасно. Из Лондона он прислал жене драгоценные подарки. Затем супруги купили в Барсюр-Об великолепный замок, куда вывезли из Парижа роскошную обстановку и где поселились. Там и была арестована искательница приключений, а ее муж вместе с ее другом, так называемым графом Калиостро, успел скрыться. Золотых дел мастер, купивший сломанную оправу, найден; Бемер и Бассанж признали остатки оправы и камни, проданные Ламоттом в Лондоне; таким образом, все факты мошенничества установлены, и Ламотт Валуа уличена в похищении драгоценности, в обмане и – что важнее всего – в подделке почерка королевы в расписке и письмах, что повлекло за собой новое обвинение: в оскорблении величества, так как священная особа королевы Франции была замешана в сети лжи, причем ее величество была выставлена героиней бесчестной любовной интриги.

– Королеву нечего и выставить такой героиней, – с громким смехом воскликнула графиня, – она и есть такая, так как ездит на маскарады в оперу в наемном экипаже, гуляет по Версальскому парку инкогнито, садится на скамейки с чужими солдатами, болтает с ними! Австриячке нечего удивляться, если ее примут за героиню любовного романа! Но здесь не роман, а истина, и я невиновна в оскорблении величества; у меня есть доказательства: кардинал получал от королевы письма, расписки, был у нее в Версале, получил от нее розу... Бог справедлив, Он не допустит, чтобы невиновная пострадала вместо виновной!

– Вы правы, Он не допустит этого, – сказал генеральный прокурор, пристально взглянув на торжествующую графиню. – Он не допустит, чтобы ваша адская интрига была принята за правду, Он сорвет маску невиновности с вашего преступного лица.

– Какие высокие слова! – с дерзким смехом воскликнула графиня. – Однако это – еще не доказательства!

– Сейчас перейдем и к доказательствам, – спокойно возразил Барильон, – пристав, введите свидетельницу.

Пристав отдал дежурному у дверей какое-то приказание; тот вышел, затем вернулся и прошептал что-то на ухо приставу.

– Свидетельница просит о снисхождении, – громко заявил пристав, – так как ей придется отлучиться на несколько часов от своего младенца, то она просит обождать несколько минут, пока она покормит его.

И судьи обождали: закон человеческий уступил закону природы.

Наконец дверь отворилась, и зрители не могли удержаться от крика изумления, неожиданности, любопытства: в зал вошла королева Мария-Антуанетта!

Это были ее стройная, величественная фигура, ее цветущее лицо, ее большие серо-голубые глаза, ее прекрасные каштановые волосы над высоким лбом, причесанные так, как обыкновенно причесывал ее величество парикмахер Леонар. Костюм вошедшей был совсем такой, какой носила королева, гуляя в Версальском парке: белое платье, опоясанное голубым шелковым кушаком, на голове кружевной чепчик. Даже зрительницы на трибуне, часто выдавшие вблизи королеву, не усомнились, что это – она.

– Сама королева является свидетельницей! – заговорили они. – Какое безумие, какой скандал!

Никто не заметил, как Ламотт Валуа испуганно вскочила со стула, точно стремясь убежать от этого явления; но пристав зорко следил за нею и схватил ее за руку.

– Зачем вы встаете, когда вам сказано, чтобы вы сидели смирно?

– Я встала, чтобы, как добрая подданная, приветствовать поклоном королеву, – ответила графиня, оправившись от волнения, – но так как вижу, что никто не встает, то и я опять сяду. – И она спокойно опустилась на стул.

– Подойдите ближе! – сказал де Лэгр, и свидетельница подошла к зеленому столу.

Окинув судей наивным, веселым взглядом, она кивнула им головой и улыбнулась, обнажив улыбкой зубы. При этом все заметили, что у нее нехорошие, испорченные зубы, между тем как зубы королевы отличались замечательной красотой и служили предметом зависти всех дам высшего общества.

– Кто вы и как вас зовут? – задал председатель свой обычный вопрос.

– Кто я? – густо покраснев, повторила молодая женщина. – Трудно на это ответить. Я была тщеславная, легкомысленная девчонка и вела самый легкомысленный образ жизни, пока не полюбила... сержанта Жоржа. С тех пор как я полюбила его, я решила сделаться честной и добродетельной женщиной, хорошей женой, хорошей матерью... А что я до сих пор все еще называюсь мадемуазель Олива, то в этом не моя вина: вы арестовали меня в Брюсселе за неделю до моей свадьбы, и из-за вас мой милый малютка родился в тюрьме. Я попрошу вас выдать мне потом письменное свидетельство моей невинности... то есть моей невиновности в это дело, – поправились она, снова вспыхнув, – чтобы это послужило мне оправданием перед ребенком, когда придется сказать ему, что он родился в тюрьме. Ведь матери очень тяжело, если приходится стыдиться перед собственным сыном.

В рядах зрительниц пробежал шепот одобрения и сочувствия.

– Так вас зовут мадемуазель Олива? – спросил председатель.

– Да, к сожалению, все еще так, – со вздохом ответила свидетельница, – но, как только вы освободите меня, мы тотчас обвенчаемся, и я буду называться мадам Жорж. Вы сделали бы мне огромное удовольствие, если бы теперь же начали так называть меня.

Строгие лица судей озарились улыбкой, даже генеральный прокурор несколько просветлел; только лицо графини де Ламотт значительно омрачилось.

– Сегодня ваше величество разыгрываете соблазненную крестьянку! – закричала она резким, пронзительным голосом. – Всем известно, что королева любит играть комедии. Нечего смотреть на меня с таким гневным, уничтожающим видом, госпожа королева! Вы тайно явились сюда, чтобы изображать какую-то мадемуазель Оливу и защитить свою честь и свои бриллианты!

– Пристав! – крикнул де Лэгр. – Если подсудимая еще раз позволит себе говорить, когда ее не спрашивают, свяжите ее и заткните ей рот грушей!

Пристав поклонился и, вынув из кармана кляп в виде груши, показал его обвиняемой.

– Я буду звать вас мадам Жорж, как вы желаете, – сказал председатель живому портрету королевы, – если вы обещаете говорить правду и только правду.

– Клянусь моим ребенком говорить правду, – ответила Олива.

– Знаете ли вы особу, которая сидит на этом стуле? – спросил председатель.

Мадемуазель Олива, быстро взглянув на Ламотт, которая пожирала ее взорами, тотчас ответила:

– Конечно, знаю, то есть ее имени я не знаю, знаю только, что она живет в роскошном особняке и очень богата.

– Расскажите все, что вы знаете про нее.

– Я скажу вам всю правду, – произнесла Олива. – Однажды я гуляла в королевском саду, как вдруг ко мне подошел высокий, важного вида господин, которого я уже и раньше встречала там, стал говорить мне любезности и попросил позволения прийти ко мне. Я, смеясь, ответила, что он может теперь же пригласить меня обедать в кафе. Он согласился, и мы вместе пообедали, а потом он проводил меня домой и рассказал мне, что он очень знатен, часто бывает при дворе и хорошо известен королю и королеве. Он обещал мне свое покровительство, причем сказал, что мною очень интересуется одна дама, которой он рассказывал про меня, и что она придет ко мне. Она пришла на другой же день и, поглядев на меня, сперва чему-то очень удивилась, но потом была очень любезна.

– И кто же была эта дама? – спросил председатель.

Мадемуазель Олива показала пальцем через плечо и сказала:

– Та дама, которая сидит тут на стуле.

– Дальше, пожалуйста! Вы потом часто видели эту даму?

– Да, она еще два раза приходила ко мне, много рассказывала о королеве и придворной жизни и даже обещала мне сделать из меня важную даму, если я сделаю то, что она мне поручит. Я ответила, что с радостью исполню все, что она прикажет, если она, как обещала, даст мне возможность попасть ко двору, видеть короля и королеву и говорить с ними.

– Почему вам так хотелось этого?

– Почему? Боже мой, очень просто! Ведь королю очень легко произвести сержанта в капитаны, а так как король, говорят, ничего не делает без королевы, то я и хотела поговорить с ней. Мне так хотелось бы видеть на моем Жорже эполеты! И ребенку лучше бы родиться сыном капитана, чем сержанта.

– Вы говорили об этом вашей знакомой?

– Конечно, говорила, и она обещала, что королева исполнит мое желание, если я сделаю все, чего именем королевы она потребует от меня. Королева, по ее словам, поручила ей найти особу, которая согласилась бы сыграть небольшую роль в интимной комедии. Эта роль будто бы отлично подходит ко мне, и если я хорошо исполню ее и не расскажу об этом никому на

свете, даже Жоржу, то кроме протекции, которая была обещана мне, я получу еще пятнадцать тысяч франков. Я с радостью согласилась, потому что такая сумма очень пригодилась бы мне к свадьбе.

– Но разве вы не подумали о том, что такая роль могла оказаться опасной и даже преступной и что потому-то ее и оплачивали так дорого?

– Иногда это приходило мне в голову, но графиня уверяла меня, что все делается по приказу королевы и что деньги заплатит сама королева, и я хотела послужить, как преданная подданная, тем более что ее величество хотела так великодушно наградить меня. Да и королева не могла потребовать от меня ничего дурного. Графиня сказала, что я только должна буду изобразить одно лицо, чтобы уверить одного влюбленного, что с ним говорит его возлюбленная, и тем доставит ему утешение. Я не нашла тут ничего дурного и даже решила говорить с этим влюбленным как можно нежнее.

– Но разве вы не полюбопытствовались узнать, кого вы должны были изображать?

– Да, мне очень хотелось узнать это, но графиня запретила мне даже спрашивать, говоря, что иначе я получу половину обещанной суммы, а если буду разузнавать, в чем дело, или стараться примечать, что происходит, то могу даже попасть в Бастилию. Поэтому я уже ни о чем не расспрашивала и думала только о том, чтобы хорошо знать свою роль и получить обещанную сумму.

– Значит, вам дали определенную роль?

– Да, графиня и тот господин, который привел ее ко мне, приходили два раза и учили меня, как я должна ходить, держать голову, кланяться и кивать головой, как должна протягивать руку для поцелуя. Затем они приехали за мной в великолепном экипаже и повезли меня в дом графини. Там мы обедали, потом поехали в Версаль. Гуляя по парку, они остановились около одного павильона и сказали мне, что завтра я должна на этом месте разыграть свою маленькую комедию, для которой королева сама назначила это место. На другой день, проведя ночь в доме графини де Ламотт в Париже, я опять поехала с нею в Версаль, где у нее был маленький собственный дом. Она сама одела меня, прислуживая и помогая мне как камер-юнгфера.

– Какой костюм надели на вас?

– Совсем такой, в каком я сегодня, только сверху графиня еще накинула на меня белую накидку с капюшоном. Потом мы отправились в парк. Уже стемнело. Графиня дала мне письмо, которое я должна была передать важному господину; мне предстояло встретиться с ним в парке. Мы шли молча, и у меня от беспокойства сильно билось сердце.

– Вы были вдвоем с графиней или с вами был еще кто-нибудь?

– Был все тот же господин, который познакомил меня с графиней де Ламотт и которого я считаю ее мужем. Мы гуляли довольно долго, потом он сказал: «Идите теперь вдвоем, а я явлюсь вовремя, чтобы произвести тревогу и спугнуть селадона». Он спрятался в кустах, а графиня дала мне розу и велела дать ее тому, кому я должна дать письмо, и сказать при этом только вот эти слова: «Вы знаете, что это должно означать». Графиня запретила мне прибавить хотя бы один лишний слог, говоря, что эти слова выбрала сама королева, которая будет стоять вблизи и услышит, верно ли я передала ее слова. Оставив меня на небольшой площадке между деревьями, графиня пошла за тем господином. Он подошел, и я вышла навстречу ему из кустов. Он сделал мне два очень низких поклона, а я подала ему письмо и розу и сказала заученные слова. Этот важный господин упал предо мной на колени, крепко сжал мою руку и прижал ее к губам. В это время послышался шум твердых мужских шагов и прибежала графиня, говоря: «Ради бога, уходите скорее! Нас подслушивают!» – и увлекла меня за собой. Мы вернулись в ее дом, и я спросила, хорошо ли я выполнила свою роль. Она ответила, что королева все видела и слышала и осталась мною довольна. На другой день, рано утром, мы вернулись в Париж; графиня уплатила мне пятнадцать тысяч франков, но сказала, что я должна как

можно скорее отправиться в Брюссель, к своему Жоржу, и до отъезда не выходить из маленькой комнатки, которую она отвела мне в своем особняке. Я написала Жоржу, и, пока ждала его ответа, время проходило очень весело; графиня была очень любезна ко мне. Когда Жорж написал, что ждет меня, я поехала в Брюссель, но по желанию графини не в дилижансе, а в экипаже, точно важная дама, и муж графини заранее позаботился о подставах и заплатил за дорогу. Больше мне, кажется, нечего рассказывать, и я говорила одну только правду. Конец моей истории вы сами знаете, – со вздохом прибавила мадемуазель Олива. – Через две недели после сцены в Версале ваши агенты арестовали меня и привезли в Париж. Вы знаете, что я поклялась лишить себя жизни, если Жоржу запретят навещать меня, что мой сын родился в тюрьме, что ему уже миновало полгода, а его бедная мать все еще сидит в заключении. Все это вы знаете; позвольте же мне идти к сыну: он, наверное, уже проснулся и кричит, а его отец не умеет унять его.

– Идите к своему сыну, мадам Жорж, – с ласковой улыбкой ответил председатель. – Пристав, проводите свидетельницу!

Олива сделала судьям ручку и пошла к двери, которую пристав распахнул пред нею; из комнаты свидетелей послышался громкий детский крик. Олива обернулась и, с торжествующим видом взглянув на председателя, воскликнула:

– Я говорила вам! Я иду, мой маленький Жорж! – И с этими словами молодая красавица исчезла, и дверь за нею захлопнулась.

– Вы слышали показания свидетельницы, – обратился председатель к Ламотт, – и можете видеть, что мы имеем доказательства того, как вы задумали и привели в исполнение свою преступную интригу. Неужели вы будете отрицать доказательства и факты?

– Я не видела ни фактов, ни доказательств, – насмешливо возразила графиня, – я только видела и удивлялась, как великолепно королева играла комедию. Она – искусная актриса и сыграла роль Оливы так тонко, что ничем не выдала себя.

– Как?! – воскликнул почти с ужасом де Лэгр, – Вы решаетесь утверждать, что бывшая сейчас здесь свидетельница – не Олива Жорж, а другая особа? Да разве вы не знаете, что она, этот живой портрет королевы, уже десять месяцев сидит в Бастилии?

– Я знаю только то, что королева отлично сыграла свою роль, – пожимая плечами, ответила графиня, – она ради этой роли принесла даже огромную жертву, обнаружив секрет красивой женщины: она сняла свои прекрасные фальшивые зубы, показала жалкие остатки собственных зубов, чтобы подчеркнуть разницу между Оливой и Марией-Антуанеттой. Согласитесь, господа, довольно-таки забавно, что королева отличается от куртизанки только челюстью!

И графиня насмешливо рассмеялась, причем ее смех нашел отклик среди дам на скамьях зрителей.

– Умерьте свою веселость, – строго сказал председатель, – ваше положение весьма серьезно; правосудие держит вас под дамокловым мечом. Вы бросили вызов судьбе, сказав, что Бог не допустит осудить невиновную; эти слова применяются к вам. Все возведенное вами здание лжи и интриг рушится, и это навеки покроет вашу голову позором.

– Я, слава богу, еще не испытываю этого, – возразила графиня, пожав плечами.

– Ваше бесстыдство будет наказано скорее, чем вы думаете, – торжественно сказал председатель. – Вы сказали, что только тогда можете быть названы преступницей, когда будет доказано, что письма кардиналу писала не королева, расписку писала не королева и виделась в Версале с кардиналом не королева. Теперь мы получили доказательства, что комедия в Версале была задумана и выполнена вами через подставное лицо. Остается только доказать, что подпись королевы и письма также подделаны вами.

– Хотела бы я знать, как вы ухитрились бы доказать это! – прервала графиня.

– Это очень просто, – спокойно возразил де Лэгр, – мы сделаем вам очную ставку с тем лицом, которое по вашему поручению подделало почерк и подпись. Пристав, введите последнего свидетеля!

В зале настала мертвая тишина. Сверкающие глаза подсудимой повернулись к двери; ее напряженное лицо и стиснутые губы выразили беспокойство и даже страх, но она сохранила свою вызывающую и дерзкую позу.

Дверь открылась, – из груди графини вырвался крик ужаса и гнева.

– Рето де Вильет! – с бешенством закричала она, сжимая маленькие ручки в кулаки и потрясая ими навстречу входившему свидетелю. – О, какая подлость! Он выдал меня!

И, потеряв на мгновение присутствие духа и всю свою уверенность, она упала на стул, с которого вскочила было под впечатлением ужаса; мертвенная бледность покрыла ее лицо; голова бессильно прислонилась к спинке стула.

– Теперь вы видите, что Бог справедлив, – после некоторого молчания сказал председатель, – ваша собственная совесть свидетельствует против вас и вынуждает вас признать себя виновной.

Графиня вскочила и, усилием воли поборов свое волнение, воскликнула:

– Нет, я не признаю себя виновной, да и для этого нет никаких оснований. Я только была потрясена, увидев этого человека, которого я спасла от голодной смерти, облагодетельствовала, а теперь мои враги подкупили его свидетельствовать против меня. Пусть Рето де Вильет клеветает на меня! Его клевета разобьется о панцирь моего спокойного достоинства! – И графиня де Ламотт с гордым презрением взглянула на свидетеля, подошедшего к зеленому столу в сопровождении пристава.

Он заметно дрожал, его лицо было грустно, а взоры избегали встречаться со взглядом подсудимой, глаза которой усталились на него, как два блестящих кинжала.

На обычные вопросы председателя об имени и общественном положении свидетель ответил, что служил управляющим и секретарем у графини де Ламотт Валуа, что, когда графиню и ее мужа арестовали, он бежал в Женеву, чтобы там выждать конца процесса; но так как процесс затянулся, свидетель хотел скрыться в Англию, но как раз в это время был арестован.

– Но зачем же вы хотели бежать? – спросил генеральный прокурор.

– Потому что я боялся, что окажусь замешанным в процессе графини, – тихо ответил Рето де Вильет.

– Скажите лучше: вы знали, наверное, что замешаны в него. На предварительном допросе вы вполне сознались и теперь уже не можете взять назад свои показания. Поэтому отвечайте: что вы сделали, почему имели основание бояться?

– Потому что взял на душу тяжелую вину! – в волнении воскликнул свидетель. – Потому что позволил увлечь себя обещаниями, соблазнительными уверениями и плутнями графини де Ламотт! Я был беден, жил в безвестности, а между тем стремился быть известным, уважаемым, отличенным! Все это обещала мне графиня; через кардинала она хотела доставить мне положение, почести, хотела ввести меня в придворные круги. Я поверил ее морочению и, как преданнейший раб, делал все, чего она требовала от меня.

– Холопская душа! – с невыразимым презрением воскликнула графиня.

– Чего же требовала от вас ваша госпожа? – спросил председатель. – Что вы сделали по ее поручению?

– Я писал письма к кардиналу; графиня сочиняла их, а я переписывал, подделываясь под почерк королевы.

– Как вы могли знать почерк королевы?

– Графиня дала мне книгу, в которой были напечатаны одно письмо ее величества, а также ее подпись. Я списывал буквы с этого факсимиле, сперва вчерне, потом набело.

– Он лжет! Он все лжет! – с яростным жестом закричала Ламотт.

– А как была воспроизведена долговая расписка для ювелиров Бемера и Бассанжа? – продолжал председатель, не обращая на нее внимания. – Известно ли это вам?

– Известно, – со вздохом ответил Рето, – ведь я сам написал ее по приказанию графини. Подпись также подделал я, списав ее с факсимиле.

– Разве под напечатанным письмом королевы стояла такая подпись, какую вы сделали на расписке?

– Нет, там стояло только «Мария-Антуанетта», но графиня думала, что королева подписывается таким образом только в интимных письмах: письмо, напечатанное в книге, было написано королевой ее матери и относилось ко времени прибытия королевы во Францию супругой дофина. Графиня полагала, что для важного документа такой подписи мало, что подпись должна носить более официальный характер, и после долгих совещаний мы решили писать: «Мария-Антуанетта Французская». После некоторого упражнения я сделал эту подпись на расписке.

– Он лжет! – снова закричала графиня, в бешенстве топая ногами. – Он подлый лжец и клеветник!

– Я готов представить доказательства того, что говорю правду, – кротко сказал Рето де Вильет, – если мне дадут принадлежности письма, я здесь же воспроизведу подпись королевы в том виде, как она была подделана на расписке.

По приказанию председателя пристав принес все, необходимое для письма, и подвел свидетеля к небольшому столу. Рето быстро набросал на листе бумаги несколько слов и передал написанное приставу.

Сравнив эти строки с распиской, председатель протянул обе бумаги Барильону, а тот, внимательно рассмотрев их, в свою очередь передал их ближайшему судье; таким образом документы обошли весь стол и снова вернулись к председателю. Он поднялся с места.

– Я полагаю, что написанное свидетелем вполне тождественно с подписью расписки. Я лично совершенно убедился, что как расписку, так и письма, адресованные кардиналу, писал именно свидетель. Он был достойным наказания орудием в руках преступницы Ламотт Валуа. Прошу тех из господ судей, которые разделяют мое мнение, встать.

Все судьи встали, как один человек.

Графиня пронзительно вскрикнула и в страшных судорогах упала на пол.

– Объявляю допрос и следствие законченным, – сказал председатель, – удалить подсудимую и свидетелей и очистить трибуну от зрителей! Удалимся теперь в зал совещаний, чтобы подвести итоги всему следствию для вынесения приговора.

VII. Дурное предзнаменование

Казавшийся бесконечным день тридцать первого августа 1786 года близился к вечеру. Парижане провели его в напряженном волнении. Лавки были закрыты, мастерские пустовали; даже в кафе и в кабаках было довольно пусто. Сегодня ни у кого не было времени заняться едой, хотя Париж голодал; но это был не физический голод: все жадно ждали известия из зала Консьержери; оно должно было удовлетворить голод, утолить жажду.

Судьи собрались в зале, чтобы вынести приговор, который должен был доказать всей Франции, всей Европе, что или французская королева чиста и невиновна пред Богом и людьми, или что ее гордое чело осталось омраченным тенью подозрения.

Сорок девять судей, членов парламента, с шести часов утра заседали в зале совета, и с шести часов утра толпилась на площади масса народа, жадно глядя на высокие ворота и каждую минуту ожидая, что появятся судьи и сообщат наконец приговор. Но день проходил, а ворота все оставались закрытыми. В толпе начали раздаваться возгласы нетерпения и досады на нерешительность судей. Там и сям мелькали злобные или насмешливые лица, слышались язвительные слова. Все ораторы клубов и тайных союзов были налицо, все враги королевы прислали сюда своих клеветников, старавшихся ядовитыми словами и насмешливыми замечаниями настолько уронить Марию-Антуанетту в мнении народа, чтобы приговор общественного мнения оказался ни в каком случае не в пользу королевы Франции, даже если суд и обвинит кардинала в недостатке уважения к королеве и в оскорблении величества. Было известно, что генеральный прокурор настаивал на наказании кардинала.

Эта весть с быстротой молнии распространилась по Парижу, и предложение прокурора уже ходило по рукам. Оно гласило:

«Кардинал де Роган обязан в присутствии генерального прокурора признать пред членами парламента, что он, дерзким образом действуя от имени королевы, оказался замешанным в дело покупки бриллиантов; что еще более дерзко осмелился поверить, будто королева назначила ему в ночное время свидание, в чем и просит прощения у их величеств в присутствии всего суда. Далее кардинал обязан сложить с себя на известное время звание главного хранителя кассы по раздаче милостыни, удалиться от двора, королевского дома и тех мест, в которых обитает королевское семейство, а до приведения в исполнение приговора должен оставаться в заключении».

Это предложение прокурора было встречено как друзьями кардинала, так и врагами королевы с гневом и негодованием; они громко порицали холопскую угодливость этого человека перед троном, изобретая всевозможные клеветы: ведь, возможно, что королева переманила на свою сторону судей благодаря своему кокетству; возможно даже, что она каждому судье обещала назначить свидание!

– Пусть судьи оправдают ее! – шипел Марат. – Ее осудит сам народ! Народ неподкупен, подобно божеству! Он не даст обмануть себя историей с подделанными письмами.

– Да, да! – кричали вокруг него. – Не дадим обмануть себя! Королева умеет сочинять любовные письма!

– Королева – мастерица на разные штуки! – кричал в другой стороне площади пивовар Сантерр. – Она захотела отомстить кардиналу за то, что он когда-то пожаловался на нее ее матери, императрице, за то, что у нее дурные манеры, что она неприлично вела себя; и вот она влюбила в себя несчастного кардинала, а потом послала к нему на свидание красивую мадемуазель Оливу.

– Погодите, и не то еще будет, – громко хохотал сапожник Симон, – кардинал принял какую-то девчонку за королеву Франции, а я уверен, дорогие братья, что мы доживем до

того времени, когда королева будет мести улицы, чтобы благородный, великодушный народ не запачкал ног в грязи!

Громкий хохот покрыл эти слова, и в нем потонул единственный крик возмущения и гнева, раздавшийся в толпе. Это вскрикнул человек, одетый в скромный костюм горожанина и с трудом протискавшийся к самым дверям Консьержери. Никто не слышал его, никто не обратил внимания на молодого человека со смелым, решительным лицом, который слушал злые речи и неприличные шутки с горящими от гнева глазами и стиснутыми губами.

Добравшись до самых дверей тюрьмы, он устремил на них взгляд, полный страстного ожидания. Дверь отворилась, когда солнце уже зашло, и из нее вышел человек. Толпа разразилась бурными изъявлениями радости, но тотчас стихла, заметив, что вышедший человек – не пристав, который с высокого крыльца оповестил бы о результате суда, а кто-то из мелких служащих Консьержери. Он с самым равнодушным видом сошел со ступеней в толпу, которая встретила его возгласами разочарования и закидала вопросами: скоро ли вынесут приговор, оправдали ли кардинала?

– Я ничего не знаю, но, кажется, пристав скоро выйдет. Мое дежурство кончилось, и я тороплюсь домой, потому что умираю от голода.

– Пропустите же бедного голодного служаку! – закричал молодой человек, стоявший у двери. – Смотрите, до чего он утомлен. Пойдемте, добрый старичок, давайте вашу руку, обоприетесь на меня!

Толпа раздалась и пропустила их, а затем снова устремила все свое внимание на дверь.

– Приговор вынесен? – тихо спросил молодой человек у старика.

– Да, господин Тулан, – шепотом ответил тот, – советник сунул мне его в руку, когда я подавал ему стакан воды.

– Давай его сюда, Жан, но так, чтобы никто не заметил.

Затем молодой человек расстался со стариком, благодаря своей богатырской силе скоро проложил себе дорогу сквозь толпу и поспешно направился более тихими улицами к воротам, ведущим на Версальскую дорогу.

За воротами юноша в синей блузе с ленивым и скучающим видом водил по дороге оседланного коня.

– Эй, Ришар! – крикнул молодой человек.

– А, господин Тулан! – обрадовался блузник. – Наконец-то! Я жду вас уже целых восемь часов!

– За каждый час получишь по франку, – ответил Тулан, садясь на лошадь. – Ступай домой, а если увидишь мою невесту, кланяйся ей от меня!

Он прищипорил коня, и сильное животное помчало его по Версальской дороге с быстротой стрелы, пущенной из лука.

В Версале этот день также провели в беспокойном ожидании. Король, покончив с делами и отпустив своих министров, отправился в свою мастерскую, чтобы вместе со своим слесарем Жираром поработать над новым замком, честь изобретения которого принадлежала самому королю.

Королева также весь день не покидала своих комнат, и даже ее любимая подруга, герцогиня Жюли де Полиньяк, не могла развеселить ее. Видя, что все ее усилия ни к чему не приводят, герцогиня предложила отправиться в Трианон и созвать обычных друзей; но королева, грустно покачав головой, с горькой улыбкой сказала:

– Вы говорите о моих друзьях? Кружок моих друзей рассеялся, и я знаю, что нельзя склеить то, что разбито.

– Неужели вы, ваше величество, не верите больше в своих друзей? – с упреком сказала герцогиня. – Неужели вы и во мне сомневаетесь?

– В тебе я не сомневаюсь, дорогая Жюли, – нежно ответила Мария-Антуанетта, – я только вообще сомневаюсь, что у королевы могут быть истинные друзья. По отношению к моим друзьям я забывала, что я – королева, они же никогда не могли забыть это.

– Они не должны были забывать это, ваше величество, – кротко сказала герцогиня, – при всей любви к вам они должны помнить, что столько же обязаны вашему величеству уважением, сколько привязанностью; столько же преданностью, сколько дружбой. И если вы, ваше величество, по свойственной вам доброте и мягкосердечию снисходили спускаться до ваших друзей, то им ни в каком случае не подобало пытаться возвыситься до вас.

– О Жюли, ты заставляешь меня страдать, ужасно страдать! – простонала Мария-Антуанетта, прижимая руку к сердцу, точно желая удержать слезы, которые в нем кипели и просились на глаза.

– Вы, ваше величество, знаете, – продолжала герцогиня с кротким, но жестоким спокойствием, – как редко и с каким страхом я позволяю себе пользоваться расположением вашего величества, как редко решаюсь произносить дорогое имя моей государыни, имя, которое имеют право произносить лишь императрица, ваша мать, и ваш царственный супруг. Вы, ваше величество, также знаете, что...

– Все, все знаю, – грустно прервала ее королева, – знаю, что королевы не созданы для того, чтобы любить, быть любимыми и счастливыми. Знаю, что все вы, кого я так искренне любила, скорее опасались моей любви, чем дорожили ею. И, узнав это, я чувствую, что счастье отлетело от меня. В будущем я вижу лишь мрачные тучи, грозящие бурей. У меня нет больше иллюзий: дни радости прошли, прошли светлые дни Трианона, залитого солнечным сиянием, благоухавшего цветами!

– Так вы, ваше величество, не желаете пойти туда? А между тем закат сегодня должен быть великолепным.

– Великолепный закат! – с горькой улыбкой повторила королева. – Этикет позволяет королеве хоть это удовольствие: видеть, как закатится солнце и наступит тьма. Но он запрещает ей радоваться красоте просыпающегося дня. Я лишь один раз, будучи уже королевой, захотела видеть восход солнца, и это мне вменили в преступление, и вся Франция забавлялась эпиграммами и сатирическими стихотворениями моих врагов. А наступление ночи я сама не хочу видеть: в моем собственном сердце темная ночь. Ступайте, Жюли, уходите, не то моя печаль пристанет к вам, и это еще более опечалит меня.

Жюли де Полиньяк не возразила ни слова и, сделав положенный реверанс, неслышными шагами вышла из комнаты.

Королева стояла отвернувшись; услышав легкий скрип двери, она быстро обернулась и увидела, что она одна.

– Она бросила меня! Она в самом деле ушла! – горестно воскликнула Мария-Антуанетта. – Ах, и она – такая же, как все! Она никогда не любила меня... Но кто же наконец любит меня? – с отчаянием продолжала она. – Кто на всем свете забывает, что я – королева? Боже, боже, я так жажду любви и дружбы и не могу найти их, а они обвиняют меня за то, что в моей груди бьется сердце! О боже, сжался надо мной, сделай меня слепой, чтобы я не видела вероломства моих друзей, оставь мне хоть веру в мою милую Жюли, не заставляй меня так горько чувствовать свое одиночество!

Она упала на стул и, закрыв лицо руками, предалась своим тяжелым думам. Солнце село, начинало смеркаться.

Мария-Антуанетта опустила руки и содрогнулась.

– Теперь они уже произнесли приговор, – прошептала она, – теперь уже решен вопрос, позволительно ли безнаказанно оскорблять королеву Франции. Ах, если бы я могла узнать наверное! Я пойду к Кампан.

Она быстро прошла через свою уборную и отворила дверь в комнату своей главной камер-фрау. Мадам Кампан стояла у окна и так пристально всматривалась в надвигавшуюся темноту, что не заметила прихода королевы, пока та не позвала ее.

– Господи помилуй, королева! – с испугом воскликнула она. – Здесь, у меня?!

У Марии-Антуанетты вырвался жест нетерпения.

– Вы хотите сказать, что этикет не позволяет королеве входить в комнату ее доверенной камер-фрау? Бывают дни, милая Кампан, когда королевская мантия прикрывает бедное человеческое сердце, нуждающееся в сочувствии. Я знаю, что вы преданы мне, и пришла к вам. Кампан, вы, кажется, говорили, что, как только приговор будет произнесен, вы тотчас получите известие об этом?

– Да, ваше величество, я потому и стояла у окна, что поджидала моего посла.

– Как это странно! – задумчиво сказала королева. – Я называюсь королевой Франции, а у меня нет никого, кто поторопился бы принести мне это важное известие; у моей же камер-фрау есть преданные друзья, делающие для нее то, чего никто не делает для королевы.

– Простите, ваше величество, – с улыбкой возразила Кампан, – это делают для меня только потому, что я служу вашему величеству. Вчера я была у члена парламента Бюжо, который женат на моей двоюродной сестре...

– Вы были там не ради своей кузины, а ради самого Бюжо, – с тонкой улыбкой заметила королева. – Признайтесь, моя добрая Кампан, что вам хотелось подкупить этого господина.

– Что ж, признаюсь вашему величеству, что хотела узнать, действительно ли советник Бюжо перешел в другой лагерь. Вы, ваше величество, знаете, что госпожа де Марсан объездила всех членов суда, заклиная их не осуждать кардинала.

– Не осуждать кардинала, то есть обвинить меня! – горячо воскликнула королева. – Ведь оправдать его – значит обвинить меня, затронуть мою честь!

– Так и я сказала Бюжо и, к счастью, нашла себе поддержку в его семье. Могу заверить ваше величество, что в этом семействе есть люди, преданные вашему величеству всей душой.

– Кто же это? – спросила Мария-Антуанетта. – Назовите их мне; по крайней мере, в тяжелые дни мне будет о ком вспомнить.

– Во-первых, дочь Бюжо хорошенькая Маргарита, которая обожает вас и постоянно копит свои маленькие сбережения на поездки в Версаль, чтобы видеть ваше величество; затем жених малютки, молодой Тулан, умный, прекрасный молодой человек, восторженно поклоняющийся вашему величеству. Это он обещал мне немедленно известить меня об исходе процесса, а его красноречию я неизмеримо больше, чем своему собственному, обязана тем, что Бюжо в конце концов решился подать голос против кардинала.

В это время дверь в приемную отворилась, и лакей доложил, что ожидаемое лицо прибыло.

– Это Тулан, – шепнула Кампан. – Скажите этому господину, – громко обратилась она к лакею, – что я прошу его обождать одну минуту. Ступайте! Прошу ваше величество позволить мне принять здесь этого молодого человека, – сказала она королеве, когда лакей вышел.

– То есть, другими словами, вы просите меня уйти? – улыбнулась королева. – Но я предпочитаю остаться. Я хочу видеть человека, о котором вы говорите, что он мне предан, и хочу как можно скорее узнать, какие известия он привез. Посмотрите, экран у камина гораздо выше моего роста; если я встану позади него, никто не увидит меня, тем более что уже темно. Велите молодому человеку войти; я горю нетерпением узнать, каков приговор.

Королева спряталась за экраном, а Кампан отворила дверь и позвала:

– Войдите, господин Тулан!

В ту же минуту на пороге появилась сильная, высокая фигура молодого человека. Его щеки горели от быстрой езды, глаза сверкали, дыхание было прерывисто.

Кампан с ласковой улыбкой протянула ему руку.

– Вы сдержали свое слово и привезли мне известие о решении суда? – спросила она.

– Да, – тихо и печально ответил он, – и мне очень жаль, что вам пришлось так долго ждать, но на колокольне Святого Иакова било уже восемь часов, когда я получил его, так что это – не моя вина.

– Восемь часов? – повторила Кампан, взглянув на часы. – Да ведь теперь только еще девять; не станете же вы уверять, что сделали четыре мили в один час?

– Это так и было, и уверяю вас, что в этом нет ничего необыкновенного. Я велел в четырех пунктах выставить подставы; лошади были хорошие. Мне иногда казалось, что я лечу на птице, у меня еще и теперь такое чувство, будто я лечу. Прошу извинить меня, но позвольте мне сесть: у меня немного дрожат ноги.

– Садитесь, мой милый юный друг! – воскликнула Кампан, поспешно придвигая ему кресло.

– Мне нужна только одна минута отдыха, – сказал он, бросаясь в кресло, – но не думайте, что мои ноги дрожат от быстрой езды! Нет, это от радости, что я, может быть, имел счастье оказать королеве маленькую услугу; ведь вы говорили, что для ее величества крайне важно получить известие о приговоре как можно скорее, и, не правда ли, никто не успел предупредить меня?

– Никто, друг мой; королева узнает его от вас, и я скажу ее величеству, от кого именно я получила его.

– Нет, нет, не говорите! Кто знает, благоприятно ли это известие; если оно огорчит ее величество, это огорчение будет в ее воспоминании связано с моим именем, и это имя станет для нее неприятно. Пусть уж лучше королева ничего не узнает обо мне!

– Боже мой! – воскликнула Кампан. – Значит, вы не знаете, в чем состоит приговор?

– Не знаю. Отец моей невесты переслал мне его письменно, и я не хотел терять время, чтобы прочесть его. Возможно, что я поступил так из трусости, потому что, если бы в приговоре оказалось что-либо, что могло бы рассердить королеву, то я, пожалуй, не решился бы привезти вам известие о нем. Поэтому я повез его не читая, думая лишь о том, что могу избавить ее величество от нескольких минут беспокойства и ожидания. Вот бумага; пусть справедливый Господь не допустит, чтобы в ней заключалось что-либо печальное для ее величества! – Он встал и передал Кампан сложенную бумагу. – А теперь, – сказал он, – позвольте мне удалиться: моя невеста ждет меня, притом в Париже опасаются волнений, и мне необходимо быть дома.

Кампан с чувством пожала ему руку и произнесла:

– Поезжайте, мой юный друг, я от всего сердца благодарю вас за вашу преданность и верность. Будьте уверены, что королева узнает об этом. Прощайте!

– Нет! – вскрикнула Мария-Антуанетта, выходя из-за экрана. – Подождите. Вы не должны уехать, не получив благодарности от вашей королевы за свое бескорыстное желание оказать ей услугу.

– Королева, сама королева! – бледнея, прошептал Тулан и, упав на колени, с таким обожанием, с такою преданностью взглянул на Марию-Антуанетту, что она почувствовала себя растроганной.

– Я за многое должна поблагодарить вас, – сказала она, – не только за то, что вы потопились привезти мне важное известие, но за доказательство того, что у королевы еще есть преданные слуги и верные друзья. Это сознание смягчит для меня горечь даже дурного известия. Еще раз благодарю вас!

Поняв, что королева отпускает его, Тулан поднялся с колен и, не отрывая взора от ее лица, попятился к двери, где он снова упал на колени, и, сложив молитвенно руки, поднял взор к небу, причем торжественно и с волнением произнес:

– Господи, Царь Небесный, благодарю Тебя за этот счастливый миг! С этой минуты я посвящаю себя служению моей королеве и с радостью пожертвую своей кровью, своей жизнью,

если это может послужить к ее благу. Клянусь в этом; Бог и королева слышали мою молитву! – И, не бросив больше взгляда на королеву, не сделав ей положенного поклона, Тулан вышел из комнаты, затворив за собою дверь.

– Как странно, как странно! – тихо промолвила королева. – От его клятвы у меня вся душа содрогнулась, и что-то говорит мне, что я буду страшно, невообразимо несчастна и что тогда этот молодой человек окажется возле меня.

– Ваше величество сегодня взволнованы, поэтому все кажется вам имеющим значение и мрачный смысл, – тихо возразила Кампан.

– Но где же приговор? Дайте же мне приговор! Я хочу сама прочесть его!

– Не лучше ли вашему величеству узнать решение суда в присутствии его величества, чтобы сам король прочел вам его? – нерешительно заметила мадам Кампан.

– Нет, нет! Если приговор для меня благоприятен, я буду иметь радость лично сообщить его королю; если нет, то я успею овладеть собой и собраться с духом, прежде чем увижусь с королем. Пойдемте ко мне в кабинет: там уже зажжен огонь. Вы первая доставили мне известие, вы же первая должны узнать решение судей. Пойдемте, Кампан!

Мария-Антуанетта быстро вернулась в свои покои, сопровождаемая Кампан, следовавшей за нею с опущенной головой и тяжелыми предчувствиями.

В фарфоровом кабинете на столе из севрского фарфора и розового дерева горели свечи в высоких серебряных канделябрах, каждый в четыре свечи: королева не любила яркого освещения в своих интимных комнатах. Кроме этих восковых свечей, в кабинете не было другого освещения. Королева села в кресло у стола и, взяв у Кампан бумагу, сказала:

– Впрочем, нет! Прочтите ее вы, но смотрите – читайте все так, как там написано!

Кампан развернула бумагу и подошла к самому столу, а королева, наклонившись всем телом вперед, сложила руки на коленях и устремила на нее взор, полный нетерпеливого ожидания.

Кампан прочла:

– «*Пункт первый.* Письма и денежная расписка за подписью королевы, послужившие поводом к процессу, признаны фальшивыми.

Пункт второй. Граф Ламотт заочно приговаривается к пожизненным работам на галерах.

Пункт третий. Обвиняемая Ламотт приговаривается к наказанию кнутом, клеймению обоих плеч буквой О и к пожизненному заключению в богадельне.

Пункт четвертый. Рето де Вильет подвергается пожизненному изгнанию из пределов Франции.

Пункт пятый. Мадемуазель Олива считается по суду оправданной.

Пункт шестой. Кардинал...»

– Ну! – вскрикнула королева. – Что ж вы остановились, Кампан, отчего вы дрожите? Его оправдали!

Кампан прочла дальше:

– «Кардинал де Роган оправдан от всяких подозрений, и ему дозволяется перепечатать это постановление суда».

– Оправдан! – закричала королева, вскочив с кресла. – Оправдан! Ах, Кампан, значит, то, чего я боялась, – правда! Королева Франции может безнаказанно сделаться жертвой гнусной интриги, оскорбительной клеветы! Один из подданных королевы оскорбляет ее честь, ее достоинство, ее добродетель, и для него нет наказания, его оправдывают! Пожалейте меня, Кампан! Но и я в свою очередь жалею вас, жалею и оплакиваю Францию: если я не нашла беспристрастных судей в вопросе, касающемся моей чести, на что же могут надеяться другие, если им придется вести процесс, затрагивающий их счастье, их честь? Я опечалена до глубины

души, и мне кажется, что с этого момента мою жизнь окутала ночная тень и... Боже мой, что это? – прервала она себя. – Это вы задули свечу, Кампан?

– Ваше величество, вы видите, что я не оборачивалась к свечам.

– Но посмотрите же: одна из свечей погасла!

– Это правда, – ответила Кампан, смотря на потухшую свечу, от которой поднимался голубоватый дымок, – но если вы, ваше величество, разрешите...

Она вдруг умолкла, и на ее лице появилось выражение испуга: вторая свеча на том же канделябре также погасла.

Королева не вымолвила ни слова; с побелевшими губами, с широко открытыми глазами она следила, как потухала последняя искра.

– Позвольте, ваше величество, я сейчас зажгу свечи, – сказала Кампан, протягивая руку к канделябру, но королева удержала ее.

– Оставьте, – прошептала она, – я хочу видеть, погаснут ли и другие две свечи...

Она вздрогнула и, медленно поднявшись с кресла, с безмолвным ужасом указала рукой на второй канделябр: одна из его свечей погасла.

Теперь в кабинете горела только одна восковая свеча, слабо озаряя небольшое пространство около стола; остальная часть комнаты тонула в темноте.

– Кампан, – прошептала королева, протягивая руку к горевшей свече, – Кампан, если эта четвертая свеча погаснет, как остальные, то это будет означать для меня дурное предзнаменование, возвещающее о надвигающемся несчастье.

В эту минуту пламя затрещало и ярко вспыхнуло, потом так же быстро потускнело, померкло, опять вспыхнуло и погасло. В комнате стало совершенно темно. Королева громко, пронзительно вскрикнула и без чувств упала на пол.

VIII. Перед венцом

Свадебные гости уже съехались. Жена члена суда Бюжо уже прикрепила белую вуаль на голову невесты, своей дочери Маргариты, и в последний раз обняла и поцеловала ее как дитя, до сих пор принадлежавшее своей матери.

Сегодня мать прощалась с дорогим прошлым, отпуская свое дитя из родительского дома в свет, где молодая женщина должна была устроить себе свой собственный очаг. Этот момент всегда тяжел для материнского сердца, потому что кто знает, что пошлет человеку будущее!

Несмотря на горечь минуты, Бюжо тщательно удерживала слезы, чтобы не омрачить ими этого дня. Слезы, пролитые на венок невесты, считаются предшественниками несчастья, а нежная мать стремилась отвести от своей дорогой Маргариты всякое горе, всякое несчастье.

– Ступай, моя девочка, – сказала она с улыбкой, и один Бог знал, чего стоила ей эта улыбка, – вступи в новый мир, будь счастлива, и дай тебе Бог никогда не пожалеть о той минуте, когда ты переступила порог родного дома, чтобы войти в свое новое жилище.

– Дорогая матушка! – воскликнула Маргарита. – Дом, в который я вступаю, принадлежит тому, кого я люблю, а мое новое пристанище – его благородное, доброе, великодушное сердце.

– Дай бог, милая дочка, чтобы через много лет ты могла повторить мне эти слова!

– Я уверена, что буду в состоянии повторить их, потому что мое сердце полно радостной уверенности. Тулан любит меня, и я никогда не буду несчастна. Слышишь его шаги, матушка? Он зовет меня.

Дверь отворилась, и на пороге действительно показался жених в скромном праздничном костюме. Его лицо было серьезно, но приветливо; сияющие глаза нежно смотрели на невесту. Он быстро подошел к ней и, поцеловав ее маленькую дрожащую ручку, сказал:

– Все гости уже собрались, дорогая, и священник в церкви.

– Так пойдем же, Луи, – ответила невеста, но он удержал ее:

– Подожди, дорогая! Пред тем как отправиться в церковь, я хотел бы сказать тебе несколько слов.

– Это, значит, милый сын, что я должна оставить вас наедине с невестой? – улыбаясь, сказала Бюжо. – Не стесняйтесь: это вполне естественно, и я несколько не ревную свою дочь к вам. Да, теперь я не имею права вмешиваться в ваши тайны. Пусть Один Господь слышит то, что жених хочет сказать своей невесте перед венчанием! – И, ласково кивнув молодым людям, она вышла из комнаты.

– Я надеюсь, Луи, – прошептала встревоженная невеста, – что не случилось ничего дурного? Ты так серьезен... Луи, ведь ты любишь меня?

– Люблю, Маргарита, но все-таки, прежде чем ты произнесешь слово, которое навеки свяжет тебя со мною, я должен открыть тебе всю свою душу, чтобы, когда придет время испытаний, мы встретили его с радостной твердостью.

– О боже, боже! – прошептала молодая девушка, сердце которой вдруг сильно забилося. – Что такое придется мне услышать?

– Есть женщина, Маргарита, образ которой живет в моем сердце: это королева Мария-Антуанетта.

Молодая девушка свободно вздохнула и рассмеялась:

– Ах, как ты напугал меня, Луи! Но королеву я также люблю и почитаю, и в моем сердце она также занимает место. К королеве я не могу ревновать тебя и люблю ее не меньше, чем ты.

– Нет, Маргарита, – с снисходительной улыбкой возразил Тулан, – ты любишь ее не так, как я: ты не обязана ей всем, как я. Позволь мне рассказать тебе про моего отца, который бедствовал, страдал и голодал, чтобы кормить и воспитывать меня. Он служил в армии и отличился во многих сражениях, за что получил орден Святого Людовика. Затем ему, как увеч-

ному, дали отставку, что было для него большим несчастьем, так как офицерское жалованье составляло его единственное средство к жизни. Он страстно любил свою жену, обожал своего сынишку и вдруг лишился возможности прокормить их. При одной осаде он потерял правую руку и таким образом был лишен возможности получить место в каком-нибудь министерстве. Приходилось умирать с голоду. Отец не мог поверить, что король допустит своего верного воина, кавалера ордена Святого Людовика, потерявшего силы и здоровье на службе своему монарху, терпеть такую нужду; он решил поехать в Париж, просить самого короля. Это путешествие было последней надеждой семьи, но, прежде чем оно состоялось, моя мать заболела и умерла. Она была опорой, поддержкой, утешением отца; теперь у него не осталось других надежд, кроме надежды на помощь короля Людовика. Продав все, что могли, мы отправились в Париж. Мой бедный отец от слез и горя почти лишился зрения. Мне было двенадцать лет, я с самого раннего детства видел горе и лишения, но твердо верил в будущее. От долгой ходьбы мои башмаки развалились, ноги распухли и были в крови. Видя это, отец велел мне сесть к нему на плечи и хотел нести меня, но я преодолел свою боль и продолжал идти пешком, пока не упал на дороге без чувств.

– И ты никогда не рассказывал мне этого! – со слезами воскликнула Маргарита.

– С тех пор как я полюбил тебя, я забыл все, что было печального в моей жизни. Теперь я рассказываю это тебе, чтобы ты поняла мои чувства. Слушай дальше, дорогая! После долгих мучений мы наконец прибыли в Париж и остановились в убогой гостинице. На другой день отец надел свой мундир, украсил грудь орденом Святого Людовика, и мы вместе отправились в Версаль – отец очень плохо видел, и я должен был вести его. Мы поместились в большой галерее, по которой весь двор проходит, возвращаясь из церкви в королевские покои. Держа в руках прошение, которое я написал под его диктовку, отец поместился недалеко от двери, в которую входила королевская чета. Я стоял рядом с ним и с любопытством разглядывал нарядную толпу людей, также с прошениями в руках наполнявших зал. Я удивлялся, что они также чего-то просили, несмотря на свои богатые платья и веселый вид. Все эти господа оттеснили моего отца к стене; наконец появились король и королева, но они прошли, ласково улыбаясь просителям и принимая от них просьбы, и даже не заметили нас. Мы печально вернулись домой, но на другой день снова пришли в Версаль, и снова знатные просители оттеснили моего отца. Но я расхрабрился и пробился с ним вперед. Моя смелость была вознаграждена: король взял просьбу из рук отца и сам опустил ее в серебряную корзинку, которую нес шедший возле него главный заведующий королевской милостыней. Мы считали себя спасенными: мой отец ожил. На другой день мы опять пошли в Версаль. Король вышел в зал, заведующий милостыней громко вызывал по именам тех, кто получил ответ на свою просьбу, но имени моего отца не было между ними! Утешая себя тем, что ответ не мог быть получен так скоро, но что он получится завтра, мы каждый день приходили в Версаль, и так прошли две недели! Мой отец с каждым днем становился бледнее, его походка делалась все тяжелее, а я все более грустил и впадал в безнадежное отчаяние. Мы уже проели все, что у нас было; единственное наше достояние составлял крест Святого Людовика. Но его мы не могли лишиться, так как он открывал нам двери в Версаль и в галерею, а там была наша последняя надежда, наше последнее утешение.

«Завтра мы пойдем во дворец в последний раз, – сказал мне отец на пятнадцатый день, – если и завтра ничего не будет, то я продам свой орден, чтобы ты поел досыта, мой бедный, голодный мальчик, а там... пусть сжалится над нами Господь».

На другой день мы опять стояли в галерее. Мой отец был бледнее обыкновенного, но стоял, гордо подняв голову, и с презрением смотрел на весело болтавших и смеявшихся господ в богатом платье, которые свысока оглядывали бедного кавалера Святого Людовика. В моем детском сердце кипела ярость на всех этих гордых, надменных людей; слезы гнева стояли в

моих глазах, в моей душе поднялось страшное возмущение против несправедливой судьбы, допускающей унижать и оскорблять бедность.

В эту минуту в галерею вошли король и королева. Король вышел на середину зала, заведующий милостыней начал вызывать по именам счастливых, которые приближались к королю и получали или желаемое, или надежду на его получение. Молодая королева стояла возле короля, и ее глаза случайно остановились на бледном, печальном, благородном лице моего отца.

Этот взгляд показался мне солнечным лучом, радостным лучом надежды. Отец смотрел в это время на короля, тихо шепча про себя: «Сегодня я вижу его в последний раз!» Я же видел только королеву и, целуя холодную руку отца, шептал ему: «Надейся, дорогой отец, надейся! Королева заметила нас».

Да, она заметила нас. Она перестала говорить с какими-то кавалерами и, быстрыми, легкими шагами перейдя зал, подошла к нам. Ее большие серо-голубые глаза сияли приветом, лицо слегка покраснело от волнения. Она была одета очень просто, но от всей ее фигуры веяло величием.

«Дорогой мой кавалер, – сказала она, и ее голос прозвучал для меня, подобно небесной музыке, – вы уже подали королю свое прошение?»

«Да, ваше величество, – дрожа, ответил отец, – уже две недели назад».

«И еще не получили ответа? – быстро сказала королева. – Я каждый день вижу вас и мальчика и из этого заключила, что вы надеетесь на ответ».

«Да, ваше величество, – ответил отец, – я жду решения: жить мне или умереть».

«Бедный! – тоном глубокого сочувствия сказала королева. – Такие две недели тяжело пережить! Я от души сожалею о вас! Разве у вас нет протекции?»

«Ваше величество, – сказал отец, – у меня нет другой протекции, кроме этого пустого рукава и справедливости того, о чем я прошу».

«Бедный! – со вздохом повторила королева. – Вы совсем не знаете света, если думаете, что этого достаточно. Я буду вашей протекцией и похлопочу за вас перед королем. Скажите мне свое имя и в чем ваша просьба».

Внимательно выслушав ответ отца, она сказала с ласковой улыбкой:

«Будьте завтра на этом же месте: я сама передам вам ответ короля».

Мы пошли домой, окрыленные новой надеждой; мы больше не чувствовали ни голода, ни усталости; мы больше не боялись воркотни хозяина, заявившего, что он больше не хочет держать нас в долг. Мы упростили его подождать только до завтра, а голод утолили радостными ожиданиями.

Мы встали на свое обычное место в галерее. Двери открылись, королевская чета вошла.

«Молись за меня, – прошептал мне отец, – молись, чтобы надежда наконец не обманула меня, иначе я упаду мертвый!»

Но я не мог ни молиться, ни думать; я мог только смотреть на прекрасную молодую королеву, благородное лицо которой возбуждало во мне благоговение, точно это был образ Царицы Небесной. Она окинула взглядом весь зал, встретила со мной глазами, улыбнулась, и эта улыбка наполнила мою душу невыразимым одушевлением и восторгом. Теперь я мог молиться. Я упал на колени и шептал: «Да будет благословение Божие над нашей королевой! Она избавит нас от страданий и спасет жизнь моему отцу!»

Она подошла к нам и, кивнув головой моему отцу, протянула ему запечатанный пакет, говоря:

«Вот возьмите это! Король очень рад воздать должное одному из своих лучших офицеров. Он жалует вам ежегодную пенсию в триста луидоров, а я желаю вам и вашему мальчику еще много лет пользоваться ею в счастье и добром здоровье. Подите сейчас же с этой бумагой в казначейство, и вам выдадут пенсию за первую четверть».

Видя, что отец зашатался и близок к обмороку, королева кликнула нескольких придворных и приказала им помочь отцу и отправить его из дворца непременно в экипаже. Тогда все бросились помогать моему отцу, стараясь выразить ему необыкновенную заботливость и любезность, и бедный, пренебрегаемый, безрукий инвалид, которого толкали и отгесняли в угол, сделался предметом всеобщего внимания. Мы вернулись домой в придворном экипаже, и наш хозяин всячески старался услужить нам. Королева сделала нас счастливыми!

– Да будет благословение Божие над ее дорогой головой! – молитвенно сложив руки, сказала Маргарита. – Я буду вдвойне любить ее за тебя. Отчего ты не рассказал мне этого раньше?

– Есть чувства, – серьезно ответил Тулан, – которые так святы, что говорить о них можно лишь в самые торжественные минуты жизни. Сегодня такая минута, дорогая моя, и я открыл тебе всю свою душу. С того дня как королева подарила нам благосостояние, счастье, покой, мое сердце, моя душа принадлежали ей. Ей я обязан спокойствием, довольством моего отца, счастливыми днями, которые мы с ним пережили вместе, моим образованием, словом – всем! Отец не хотел, чтобы я сделался военным. «Будь самостоятельным, свободным человеком, – говорил он, – примени силы своего ума, служи этим путем своему отечеству. А если для королевы наступит час опасности, ты сумеешь служить ей и бороться за нее до последнего вздоха». В этом я поклялся ему на его смертном одре. Он уже предчувствовал надвигающуюся грозу и часто со слезами читал брошюры и памфлеты, которые исходили из Парижа к нам, в Руан, куда мы вернулись и где я учился в лицее. «Поклянись мне, Луи, – говорил отец, – что, если Господь даст тебе силы, ты посвятишь жизнь служению королеве и будешь бороться с ее врагами!» И я поклялся в этом и отцу, и себе самому. Теперь я живу в Париже, занимаюсь книжной торговлей, и этим я также обязан королеве.

Предчувствие говорит мне, что близко то время, когда друзья королевы должны будут сплотиться вокруг нее, так как опасность приближается... Она уже приблизилась, Маргарита: дикие звери окружили овечку, и ей уже не уйти от них!

Враги гнездятся в королевском доме: граф Прованский, деверь королевы, годами преследует ее; он ненавидит «австриячку» за то, что в политике король следует ее, а не его советам; граф д'Артуа, когда-то единственный друг королевы в семье ее мужа, также отвернулся от нее с тех пор, как она, вопреки настояниям братьев короля, высказалась в пользу удвоенного числа представителей третьего сословия и убедила короля созвать Генеральные штаты. Тогда граф д'Артуа перешел на сторону ее врагов, потому что королева благоволит к народу. А народ все же не верит ей, не верит ее любви, и все партии стараются поддерживать в народе это недоверие. Герцог Орлеанский мстит неповинной королеве за презрение к порочному принцу; тетки – за то, что занимают при дворе второе место; все придворные мстят ей за предпочтение, оказываемое семье Полиньяк. На нее клеветают, ей приписывают все, что случается дурного, ее делают ответственной за все неудачи, постигающие Францию. Во всех парижских клубах ее всячески поносят и требуют ее гибели; настало время, когда ее друзья должны действовать.

Я принял предложенное мне место представителя от Руана, надел на себя маску демократа, чтобы успешнее служить королеве... Я люблю тебя, моя Маргарита, все, что относится к личной жизни, к личному счастью, – твое; но повторяю: я должен быть готовым, когда бы ни понадобилось, отдать свое счастье, свою жизнь королеве, и без всякого сожаления, без малейшей жалобы.

Ты – возлюбленная моего сердца, она – святая, которой молится моя душа. Если она призовет меня, я должен буду оставить тебя и идти служить ей. Нашей родине предстоит мрачное время: страсти разнузданы, умы возбуждены, все стремится к свободе, которую до сих пор сковывала королевская власть. Итак, знай, Маргарита, что моя жизнь принадлежит королеве, но помни и то, что тебя я люблю, что только ты можешь дать мне счастье! Решай: согласна ли ты делить со мной бури, которые мне предстоят? Подумай, испытай себя, не увлекайся вели-

кoduшным порывом своего любящего сердца! Если ты увидишь, что жертва с твоей стороны слишком велика, отойди от меня! Я покорюсь, оставляю тебя без единой жалобы и буду любить тебя всю жизнь, буду благодарен за те часы счастья, которые ты мне подарила!

Тулан опустился перед Маргаритой на колени и робкими, умоляющими глазами заглянул ей в лицо. Она ответила взглядом, полным любви и одушевления, и этот взгляд осветил его душу, подобно солнечному лучу. Она прижала его голову к своей груди и, нежно поцеловав его черные кудри, прошептала:

– Я люблю тебя, Луи, и отдаю тебе свою жизнь. Я разделю с тобой все опасности, буду с тобой вместе бороться за королеву и, если суждено, умру за нее вместе с тобой.

– Господь да благословит тебя, Маргарита! – со слезами промолвил Тулан, пряча голову в ее коленях. – Ты ангел! В эту минуту наши души соединились союзом вечной любви и верности, и ничто никогда не разлучит нас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.